

Александр ЛЕПЕТУХИН

НОВЫЕ
ХЕХЦЫРСКИЕ
СКАЗКИ

СКАЗКА ПРО СКАЗКИ

Первые сказки про весёлого зайца Петровича родились потому, что у меня родилась дочка Настя. Я её очень долго ждал и очень обрадовался. Хотелось и её порадовать чем-то необыкновенным. Вот и стал рассказывать ей сказки.

Порой их слушала наша мама Наташа, поэтому сказки сами собой получались взрослыми и детскими. Смешными для Насти и для Наташи.

— Папа, расскажи про Петровича, — просила Настя, укладываясь рядом. Я начинал плести всё, что в голову приходит. Иногда такое приходило, что мы хохотали все вместе. Петрович был доволен и старался вовсю.

Прошло восемь лет, и у нас родилась дочка Маша. Все очень обрадовались. Петрович достался Маше по наследству. Они сразу подружились, и когда Маша укладывала свою голову мне на плечо, заяц Петрович сразу прибегал и начинал вытворять всякие забавные штучки. Он жил в нашей семье много-много лет.

Когда Маша выросла, я взял ручку и записал те сказки, что запомнились. А потом стал сочинять их для вас. Втянулся, наверное.

В сказках много чудесного, но самое большое чудо то, что девочки Настя и Маша навсегда в них остались детьми.

На самом деле они всё больше и больше становятся тётеньками. Пролетят, промелькнут годы, и они станут бабушками. Это со всеми случается, кому повезёт, конечно. Но в сказках они по-прежнему будут играть с зайцем в красных штанишках с зелёным карманом на животе. Это мой им подарок.

Многие читатели спрашивают меня: «Что такое Хехцир?» Жители Хабаровска знают, что это заповедник. Час езды на машине — и вы в диком лесу, где бегают настоящие живые зайцы, волки, лисы и кабаны. Там живут настоящие медведи, и даже тигры.

Заповедник совсем небольшой. Его плотно окружили человеческие дачи. Зверям тесновато. Но что делать?

Заповедник хорошо виден из центра города, потому что он на горах. Если Хехцирские сопки ярко-синие — значит, будет хорошая погода. Если они прячутся в облаках — значит, скоро пойдёт дождь. Это в Хабаровске все знают.

Но не все знают, откуда взялись Хехцирские горы. Некоторые учёные утверждают, что горы эти — кратер. Точно такие же кратеры видны на Луне, если хорошо присмотреться.

Представь себе: давным-давно летела по небу огромная скала. Она летела среди звёзд и планет в полном одиночестве и тишине. Летела, летела и прилетела. С жутким грохотом ворвалась она в атмосферу нашей Земли — и как даст по нашей планете! От этого удара и появился кратер. Прошли миллионы лет. Хехцирские горы заросли лесами и заселились разными животными.

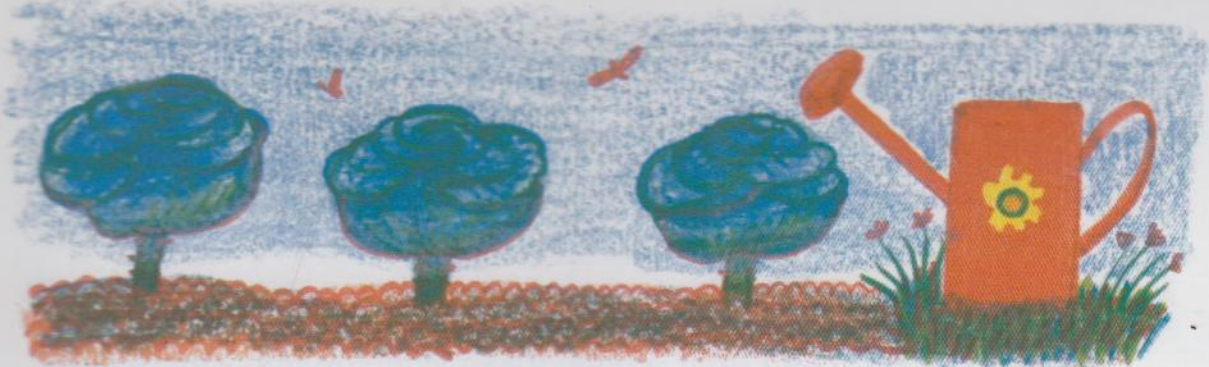
Потом с Севера на них двинулся ледник. Ледяная стена подошла почти к самым горам и остановилась. Поэтому на Хехцире сохранились очень древние растения: женьшень, аралия, дикий виноград, маньчжурский орех. Они до сих пор там растут.

Правда, это всё похоже на сказку?

Может, поэтому заяц Петрович решил поселиться на Хехцире? Сказочные места, и заяц сказочный.

Хотите побывать в сказочном Хехцирском заповеднике? Тогда быстрее переворачивайте страницу.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Калитка открылась, и вошёл кабанёнок Федя.

— Петрович, как хорошо, что ты уже встал. Давай прогуляемся.

— Может, лучше капусту с утра пораньше полить? Она это любит,

— ответил заяц Петрович.

— Настроение у меня, Петрович, такое — хочется с другом идти рядом куда-нибудь абсолютно беззаботно. У тебя бывает такое настроение?

— Бывает.

— Пойдём?

— Ладно, раз тебе так хочется, пойдём.

Когда они вышли за калитку, Петрович оглянулся:

— Капуста, подожди до вечера.

Они пошли по привычной дорожке к Главной Поляне. Длинные утренние тени лежали на ней, как полоски в тетради. Бабочки порхали, кузнечики настраивали свои скрипочки.

— Утром мысли короче и светлей, — сказал Федя.

— У меня одна мысль, но длинная, — ответил Петрович. — Каждое утро её поливаю. Она привыкла. И вдруг я её бросил!

— Петрович, ты со мной идёшь или с капустой? — спросил обиженно Федя.

— С тобой, с тобой. Но думается почему-то про неё. Она такая молодая, незащищённая. Ждёт меня, глупая. Каждый день её поливали, поливали, и вдруг — раз, и не полили. Может расстроиться. Заболеть!

Федя остановился:

— Я с тобой, Петрович, дальше никуда не пойду.

— Почему? — удивился заяц.

— У тебя в голове капуста, а не прогулка. Разве так с другом гуляют? Ничего с ней не случится. Не такая уж она и молодая, не такая нежная. Отдохнёт от твоих бесконечных поливок — крепче будет. Слишком много она о себе понимает!

— Федя, я к ней очень привязался. Когда изо дня в день о ком-то заботаешься, то привязываешься. Что в этом плохого?

— Плохого в заботе нет. И в поливе ничего плохого нет. И в капусте тоже ничего плохого нет. Сам её люблю. Но когда единственный друг просит тебя просто беззаботно прогуляться, разве можно забивать себе голову кочанами?!

— Ты прав, Федя. Пошли беззаботно.

Некоторое время они шли молча. Федя успокоился. У него даже стала появляться лёгкая беззаботность. Ему стало казаться, что это чудесное утро создано только для них с другом и что они шагают по полосатой дорожке к чему-то очень-очень хорошему... Но тут Петрович вздохнул.

— Опять? Опять о ней? — остановился Федя. — Скажи честно, ты о ней сейчас подумал?

— Я не нарочно, Федя. Прости меня. Честное слово, с этой минуты я буду гулять абсолютно беззаботно. Даю слово, что думать про неё не буду. Ничего с ней до вечера не случится. А вечером полью её двойным поливом. Правильно?

— Правильно, — обрадовался Федя, — я тебе помогу. Смотри, какая красота. Сейчас... Сейчас... Я стих сочинил, а может, даже песню. Слушай:

**Мы идём с тобой по лету,
Солнце смотрит из кустов.
Лучше друга в мире нету,
Для тебя на всё готов.**

В смысле — для тебя. Нравится?

— Очень нравится. Особенно то, что это ты про меня сочинил. Ты настоящий друг.

— А теперь ты про меня сочини, — попросил Федя.

**— Беззаботно мы идём,
А капусту не польём...**

— Петрович!

— Ой!

— Петрович, так нельзя! Всё о ней, всё только о ней. Ты правда её так любишь?

— Люблю. Не обижайся на меня, Федя. Ты мой лучший друг. Но я за неё переживаю.

— Ладно, лучший друг, пойдём вместе поливать твою любимую капусту.

И они зашагали к дому Петровича вполне беззаботно.

ИГРА В УЖАСТИК

Кабанёнок Федя и заяц Петрович сидели на лавочке и хрустели. Заяц — морковкой. Федя — жёлудями.

— День хороший, и морковка очень сладкая. В хорошую сказку мы с тобой попали, Федя.

— А разве бывают другие сказки? — удивился кабанёнок. Он пытался сделать себе бутерброд из морковки и жёлудей.

— Ещё как бывают. Ужастики, например.

— А ты про них откуда знаешь?

— Был в городе, видел по телевизору. Это такой ящик. В нём всё время ужастики крутятся — и для взрослых, и для детей.

— Интересно? — спросил Федя, осторожно поднося бутерброд ко рту.

— Кому как, Федя. Представь себе: наш Волк озверел, напал на тебя и съел. Ам! И нету.

Федя уронил морковку:

— Что же тут, Петрович, интересного?

— Это только начало ужастика. Он бы тебя — ам! А я стал бы тогда Благородным Мстителем. Ведь мы же друзья, Федя!

— Кем бы ты стал благородным? Петрович, ты в своём уме?

— Не совсем. Я же тебе ужастик рассказываю. В телевизоре один Благородный Мститель гонял-гонял одного Жуткого Злодея. Потом загнал его на заброшенный склад. Их всегда на склады загоняют. Стали они там драться. И вдруг! Землетрясение! Извержение! Пожар! Стены валятся! Крыша едет!

— У кого?

— У склада, Федя, у склада. В общем, всё рушится, горит, а они ничего. Дерутся и пинаются как ни в чём не бывало. И вдруг! Земля треснула! Из трещины огонь, дым! Тогда Благородный Мститель изловчился и бросил злодея в ту трещину! «А-а-а-а! А-а-а-а!!!» — закричал Жуткий Злодей. «Ага, — говорит Благородный Мститель, — будешь знать, как Федю обижать!» Понравилось?

— Совсем не понравилось! Меня съели, и мне это должно нравиться?! — возмутился Федя.

— Но согласишься, впечатляет: «А! А! А-а-а-а!!!» Ужастики бывают разные. Про вампиров, например. Они вроде наших комаров, только дяденьки и тётеньки. Ещё бывают про монстров и привидения... Может, сыграем?

— Не хочу. — Федя отодвинулся на другой конец скамейки.

— Ну пожалуйста. Ну чуть-чуть, — стал упрашивать Петрович. — Только попробуем, и всё. Мы же понарошку. Ведь всем-всем нравится!

— Попробуем? Ты хочешь, чтобы меня Волк попробовал? Сам играй. Я тебе не телевизор.

— Не бойся, Федя! Ничего с тобой не случится. Я тебя в обиду не дам. **ИГРА НАЧАЛАСЬ!** — выкрикнул Петрович волшебные слова.

Лучше бы он этого не делал. Потому что скамейка, на которой они сидели, вдруг затряслась, и они свалились на землю. Потом так тряхнуло огород, что вся капуста выскочила из грядок. Сопка Двух Братьев на глазах превратилась в двуглавый вулкан. Из неё вырвались чёрное облако, языки пламени, и во все стороны полетели раскалённые камни. Всё небо затянула жуткая тьма, и из неё стали бить молнии.

— Бежим! — Петрович стал вытаскивать Федю из-под скамейки за ноги.

— Куда?

— Надо бежать! В ужасниках все бегают. Порядок такой. Закон жанра называется.

И друзья побежали. Мостик через реку уже горел. В реке плавали акулы и крокодилы. Увидев Федю и Петровича, они запрыгали от радости. Даже сквозь грохот извержения было слышно, как щёлкают их зубы...

— Вперёд, Федя! — Петрович в два прыжка проскочил горящий мосток.

Федя взвизгнул и бросился за ним. За его спиной рухнул мост.

Бежать приходилось петляя, потому что раскалённые камни и молнии сыпались с неба не просто так. Они норовили попасть беглецам в голову.

— Ну как? — спросил на бегу Петрович. — Впечатляет?

— Мне! Не! Нра! Вит! Ся! — ответил Федя. Он устал. Но приходилось прыгать и петлять, петлять и прыгать.

— Ребята! Что случилось? Что за шум? — Из своей берлоги выскочил Медведь. — Это что, Папа новую сказку для Маши придумал?

— Нет. Это мы с Петровичем в телевизор играем.

— А я-то думаю, что такое, лезут и лезут ко мне в берлогу какие-то прозрачные уроды с жутким воем и вытаращенными глазами. Гоню, гоню их веником, и всё без толку.

— Это привидения, — объяснил Петрович. — Бежим, Медведь! Спасаться надо.

Молния чиркнула над самой головой Медведя. Его домик вспыхнул. И они побежали уже втроём. Они бежали, а за ними двигалась стена огня. Сказочный лес горел.

— А где Волк, где Лиса? Вы их что, сожгли?! Заигрались вы, ребята! — возмутился Медведь.

— Караул! — из пламени выскочил слегка поджаренный Волк. — Кто это придумал?! Я так не играю! Не играю!!! Не хочу я Федю есть! И на складе драться тоже не хочу!

Сквозь горящие кусты прорвалась Лиса с обгорелым хвостом. Дым тянулся за ней, как за подбитым самолётом.

— Кто это придумал?! Что за безобразие! — кричала она.

— Это не я! — крикнул Федя. — Петрович, кончай свой ужастик, а то сейчас тебе свои по шее накостилят, — тихо добавил он.

— ИГРА ЗАКОНЧЕНА! — крикнул Петрович.

Земля перестала трястись. Сопка Двух Братьев закучерявилась деревьями и покрылась разноцветными дачами. Туча исчезла. Вечернее солнце осветило лес. Он опять зеленел как ни в чём не бывало. В траве застрекотали кузнечики.

Лиса осмотрела свой хвост и осталась довольна.

— Заяц, если ты ещё раз затеешь какую-нибудь игру из телевизора!.. — Волк показал Петровичу кулак и покрутил у его носа. Петрович понюхал. Палёным вроде не пахло.

Вечером все сидели на Главной Поляне и пили чай с малиной и шиповником.

— Что-то меня запах дыма раздражает, — сказала Лиса.

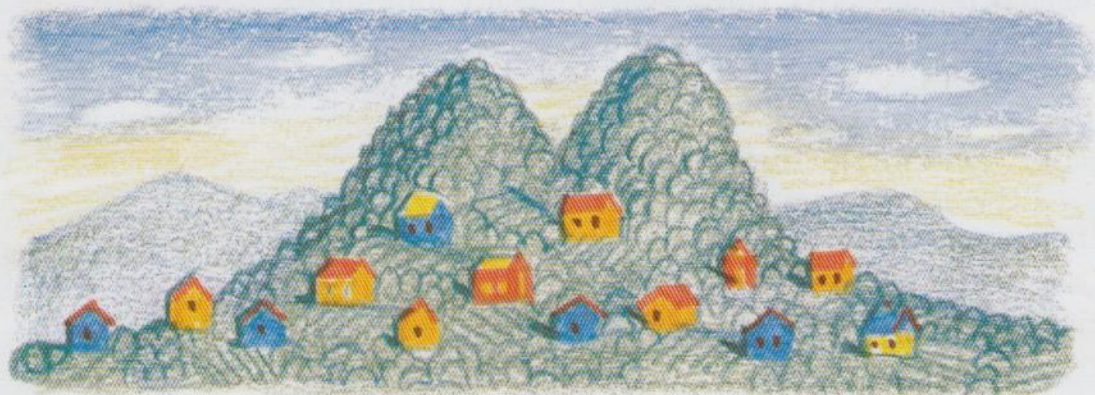
— И комары сегодня особенно крупные и злые. Петрович, это не твоя работа? — подозрительно спросил Медведь.

— Простите меня, — сказал Петрович. — Я подумал, раз все телевизор смотрят, значит, им ужастики нравятся. И ещё я подумал: не могут же все быть дураками? Может, это мы отсталые? Вот и решил чуть-чуть, самую капельку, понарошку, поиграть в ужастик.

— «Понарошку», «чуть-чуть», «самую капельку», — передразнил Волк. — Нет, Петрович, у телевизора свои игры, у нас свои.

Все с ним согласились.

Петрович тоже.

ПРО ЁЖИКА

Было тихо и тепло. Заяц Петрович сидел на осеннем припёке. Он дремал, а по нему ползали красные божьи коровки. Они тоже грелись.

— Привет, Петрович, — сказал Волк. Он стоял за калиткой и осторожно держал в лапах маленького ёжика. — Маленький, а колючий. Он потерялся. Несу домой к маме с папой. Делаю доброе дело. Я теперь решил после завтрака добрые дела делать. Помогает пищеварению.

— Молодец! — похвалил Петрович. Встал, отряхнулся. С него посыпались божьи коровки. Они раскрыли крылышки и разлетелись в разные стороны.

— Это чей ёжик? — спросил Петрович, подходя к калитке. — Тех ежей, что живут у реки на горке? Или тех, что у Главной Поляны? Или тех, что возле домика Медведя?

— Не знаю, — ответил Волк, — я его одного в кустах нашёл. Вокруг никого.

— А ты его самого спроси.

— Он спит. — Волк осторожно переложил ёжика из лапы в лапу. — Маленький такой, а уже храпит. Тихо-тихо. Вот послушай, — Волк протянул через калитку лапы.

— И правда похрапывает, — умилился Петрович, — смешной. Давай вместе его маму с папой искать. Я сейчас.

Петрович сбегал за дом, где в гамаке спал кабанёнок Федя. Достал его из гамака, быстро объяснил про ёжика, и они пошли вместе искать родителей потерявшегося малыша.

— Волк, а Волк, дай мне ёжика понести, — попросил Федя.

— Не надо его зря тревожить. Спит себе и спит. Видишь, улыбается. Наверное, маму с папой во сне видит.

— Куда вы идёте? — спросил Медведь. Он лакомился лесными яблочками прямо с дерева.

— Ёжик потерялся, — сообщил Волк, — маленький. Мы его несём домой. Делаем доброе дело.

— Пойду с вами, — решил Медведь. — Покажи-ка его мне. Совсем маленький. Маленькие, они всегда славные.

И они пошли впятером: Волк, Медведь, Петрович, Федя и маленький спящий ёжик, который не знал, что куда-то идёт. Он просто спал и улыбался.

— Почему вы без меня гуляете? — спросила Лиса, выглядывая из окна своего домика.

— Тихо! Не надо шуметь. У нас ёжик спит. Он, понимаешь, совсем маленький и потерялся. Мы несём его домой, — ответил Медведь.

— А ну покажите. Я ежей хорошо знаю, — сказала Лиса, выходя из домика. — Этот совсем маленький. Чей же он может быть? Может, он с горки, что у реки? Не спрашивали?

— Их никого дома нет, — ответил Волк. — Мы сейчас идём к домику Медведя, там тоже ёжики живут.

— Пойду с вами прогуляюсь перед обедом, — сказала Лиса, и они пошли.

У дома Медведя в кустах шуршали осенние листья.

— Эй, ёжики! — позвал Медведь. — Привет. Вы не своего малыша ищете?

— Мы грибы ищем. Все малыши с нами. Вот они. — Из-за куста выглянула ежиная семья. Мама, папа и три ёжика.

— Пошли на Главную Поляну, — предложил Петрович.

— Давайте положим потерявшегося в корзину, — сказал Медведь, — тогда его можно будет нести по очереди. Всем хочется доброе дело делать.

— Нельзя его тревожить. Проснётся — плакать будет, — возразил Волк.

— Мы тихонечко. Он и не заметит, — сказала Лиса. — Медведь, носи свою корзину. Я сама его уложу.

Она устлала дно корзины травкой. Осторожно взяла ёжика из волчьих лап и уложила в корзину как в кровать.

— Первым несу я, — сказал Волк, — я в корзине ещё не носил.

— Ну хорошо, — согласилась Лиса, — носи до поворота тропинки. Потом несу я. Потом Медведь. Потом Федя. Потом Петрович. Все по очереди.

И они пошли от поворота к повороту, передавая друг другу корзинку.

У Главной Поляны Петрович поставил корзину на землю.

— Это не ваш соня? — спросил он ежиху.

Она подошла, посмотрела:

— Очень похож. Только не мой. Мои в домике играют. Что, потерялся? Хотите, я его себе возьму?

— Нельзя. Его родные мама с папой, наверное, все кусты обшарили. Ищут его. А он тут с нами в корзинке путешествует, — сказал Медведь.

— Что же делать? — Волк почесал ухо.

— Пошли назад к реке. Будем искать ежей на горке и возле неё,
— сказал Петрович.

И они опять пошли от поворота к повороту тропинки, честно передавая друг другу спящего ёжика.

— Может, зайдём ко мне, чаю попью? Дело уже к вечеру,
— предложил Медведь.

— Нет. Нельзя. Сначала доделаем доброе дело, — отрезал Волк.

На горке у реки они увидели Ежиху. Она стирала в деревянном корытце детские трусики и маечки.

— Скажите, пожалуйста, у вас все ежата дома? — спросил Петрович.

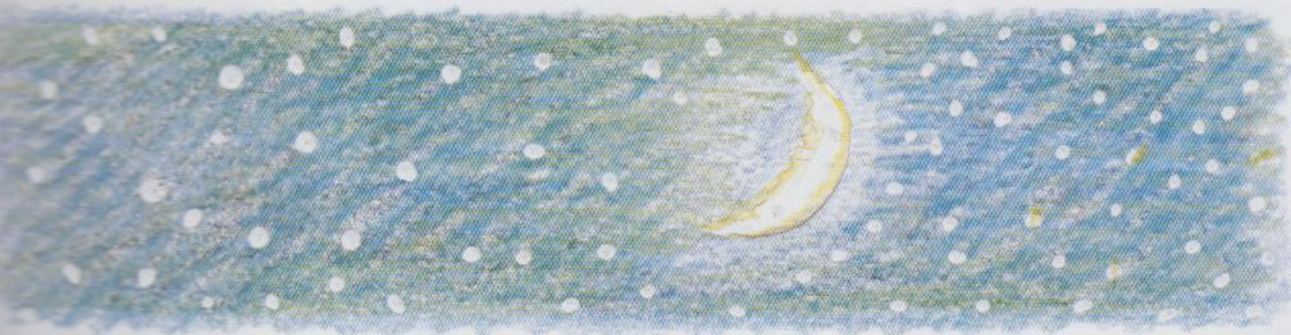
— Все. Двое качаются в гамаке, а третий весь день спит вон в тех кустиках. Это его любимое место, — улыбнулась Ежиха.

— В тех кустиках? — Волк поставил корзинку на землю. — Ребята, я его в тех кустиках взял. Смотрю, лежит. Спит. Вокруг никого. Ну, думаю, потерялся. Взял и понёс. Вот мы его и носим целый день.

— Вот он и спит, — сказала Лиса. — Мы его укачали в корзинке.

— Возьмите своего малыша, — сказал Петрович, — мы его прогуляли.

— Спасибо. Ему полезно. Положите где взяли, — ответила Ежиха.

ШЛАГБАУМ

— Папа, расскажи сказку, — попросила Маша, поудобнее устраиваясь на папином плече.

Папа сладко зевнул и начал:

— Заяц Петрович и его друг кабанёнок Федя решили всем сделать сюрприз. Они... Они... О-о-а-а-а-ни... — Папа снова зевнул. От этого глаза его закрылись, и он увидел ручеёк, бегущий среди камней. — Хыр-фью-ю, хыр-фью-ю... — тихо захрапел Папа.

Опытная Маша растолкала Папу. Папа посмотрел на Машу бессмысленными разбуженными глазами.

— А что дальше? Что дальше, Папа? — Маша от нетерпения ёрзала на папином плече.

— Что? — спросил Папа.

— Ты мне сказку рассказываешь про то, как Петрович и Федя решили сделать всем сюрприз. А что дальше? Не спи. Рассказывай!

— Они решили... решили... что же они такое решили? — Папа снова зевнул и продолжал рассказывать с закрытыми глазами. — Петрович вытащил из чулана длинную-длинную палку и сказал своему другу кабанёнку Феде... Он ска-а-а-за-ал... хыр-фью-ю, хыр-фью-ю...

— Папа, не спи! Что сказал Петрович? Что он сказал?!

Папа с трудом перестал смотреть на блестящий под солнцем ручеёк и открыл глаза.

— Что? — спросил он.

— Ты рассказываешь, что Петрович вытащил из чулана здоровущую палку и сказал Феде, что из палки будет сюрприз. Какой?

— А, — вспомнил Папа. — Ну да. Федя говорит: а зачем ты эту палку приволок, Петрович? А Петрович го-о-о-о-во-рит...

— Папа!

— А Петрович говорит: давай из этой палки сделаем всем сюрприз.

— А какой сюрприз? — спросила бдительная Маша. — Не закрывай глаза!

— Сюрприз? Петрович хитро-хитро посмотрел на Федю и го-о-о-во-рит... хыр-фью-ю, хыр-фью-ю... хыр...

— Папа! Ну Папа, же! Петрович вытащил палку и говорит Феде... Что он говорит? Рассказывай!

— Он говорит: как сейчас дам тебе этой палкой по голове, чтобы не мешал спать.

— Ну Папа. Петрович такого сказать не мог! Какой он сюрприз для всех придумал?

— А сюрприз... Давай, говорит, сделаем из этой палки шлагбаум.

— А что такое — шлагбаум, Папа?

— Это такая палка. Её поднимают вверх — значит, можно проходить. Опускают — прохода нет.

— А зачем нужен шлагбаум?

— Для порядка. Поднимают — можно. Опускают — нельзя. Ну вот покрасили друзья палку в полоску, шлагбаум всегда полосатый, установили его у мостика и стали ждать, кто первым пойдёт. Сели и ждут. Никто не идёт. Ждали они ждали, ждали, ждали, ждали, жда-а-а-а-ли-и-и и стали дремать хыр-фью-ю, хыр-фью-ю...

— Папа, а Папа, это ты спишь или Федя с Петровичем храпят?

— Все, Маша, спят. И Петрович, и Федя, и Папа. Все заснули. И правильно сделали. И ты спи. Завтра сказку дорасска-а-а-ажу.

— Ну Пап! Папа! Ну Папа!

Но Папа, тихонечко посапывая, любовался, как бежит ручеёк, с камешка на камешек, с камешка на камешек, и как свёркают в нём солнечные зайчики.

Он спал и улыбался во сне. А когда Папа улыбается во сне, лучше его не трогать. Это Маша уже знала. Она вздохнула и пошла спать.

А в это время заяц Петрович и кабанёнок Федя сидели и ждали у ручья. Они сторожили свой шлагбаум.

— Ждать бесполезно, — сказал Петрович. — Папа заснул.

— И что же нам, теперь тут всю ночь сидеть, палку сторожить?!

— возмутился Федя.

— Пойдём по домам. Сказка не получилась.

— Пошли. А куда эту палку девать?

— Снова в сарай положим. Вдруг Маша завтра вспомнит и потребует продолжения сказки. Тогда палка нам очень пригодится.

ЛАБИРИНТ

— Наша Главная Поляна место не простое, — сказал заяц Петрович своему другу Феде.

— Само собой. Простых мест в сказочном заповеднике не бывает, — согласился поросёнок.

— Мне Крот рассказывал, что вот здесь, под землёй, — Петрович топнул лапой, — находится стоянка очень первобытного человека. Он тут постоял, передохнул и побежал дальше за мамонтом.

— Я тоже знаю таинственные места. Здесь и здесь зарыты клады. — Федя два раза топнул ножкой. — А здесь находится вход в подземелье. — Федя снова топнул и... провалился. Секунду назад был — и нет его. Только тёмная дыра в земле.

— Федя! Федя, ты живой?! — крикнул Петрович. Он на четвереньках стал осторожно подбираться к провалу. И вдруг почувствовал, как

земля уходит у него из-под ног и он летит куда-то кувырком. Упал он хорошо. Мягко. На Федю.

— Федя, как ты? — спросил Петрович.

— Пока тебя не было, было лучше. Слезь с моего живота.

— Прости. Как теперь выбираться?

— А зачем выбираться? — удивился Федя. — Мы же попали в приключение. Надо идти вперёд.

— Куда идти? Тут ничего не видно. Темнота одна.

— В темноте обычно идут на ощупь. Вот стенка, вот ты, Петрович, тут снова стенка, а тут... тут что-то похожее на дверь!

— Открывай! — скомандовал Петрович.

— Она не открывается.

— Дай-ка я попробую. Тут ручка. Открылась! Осторожно, тут ступеньки. Ой! Осторожно! Тут выступ!

— Ой! И правда выступ. Больно.

— Дальше идёт прямой просторный туннель. Вперёд! Вперёд, Федя!

И друзья зашагали по тёмному гулкому туннелю. Эхо множило их шаги, и казалось, что топает большой отряд зайцев и поросят.

— Смотри! Смотри! Впереди свет! — обрадовался Федя.

Свет оказался искусственным. Просто горела оставленная неизвестно кем толстая свечка. Она освещала три расходящихся в разные стороны туннеля.

— Смотри, у каждого входа табличка, — показал Петрович.

— Читай, я посвечу, — предложил Федя и поднял свечу.

— «Змей Горыныч, Чудо-Юдо поганое. Змей огнедышащий свирепый, двести пятьдесят метров», — прочитал Петрович. — Пойдём? Это недалеко.

— Нет! Это неинтересно, — сказал Федя. — А тут что написано? Читай!

— «Кощей Бессмертный прикованный. Выдержка пятьсот лет, триста метров». Хочешь на выдержанного посмотреть?

— А вдруг он за пятьсот лет выдержку потерял? Увидит нас, рванётся и сорвётся! Пятьсот лет! Он знаешь, какой теперь голодный и злой!

— Ты прав. Пошли лучше по третьей дороге. Тут просто написано: «Лабиринт».

И они вошли в тёмный туннель. Свечку благоразумно прихватили с собой. Свет выхватывал из мрака стены старинной кладки и кусочек каменного пола под ногами.

— Запоминай, — сказал Петрович, — тут два хода. Мы поворачиваем налево.

— Налево, — повторил Федя.

— Теперь направо.

— Направо, — повторил Федя.

- Запомнил? — спросил Петрович.
- Запомнил. А зачем?
- Чтобы вернуться, если заблудимся. Запоминай дальше. Поворот налево. Снова налево. Направо. Налево. Направо. Налево. Направо. Направо. Тупик.
- Тупик, — повторил Федя, — запомнил. Что дальше?
- Пошли назад. Как мы шли?
- Петляли, петляли и упёрлись в тупик. Вот он, я его хорошо запомнил. — Федя постучал по каменной стене.
- Ты дорогу помнишь?
- А ты?
- А ты?!
- А ты?!!
- А... что же делать? — спросил Петрович растерянно.
- Что делать? Идти надо. Не хочу сидеть у этого тупика всю оставшуюся жизнь! Может, ты хочешь стать достопримечательностью водземелья? «Скелет зайца в тупике»?
- Не пугай. И так страшно. Пошли скорее назад.
- Они быстро пошли обратно. Повороты уже не считали. Шли, шли и пришли в тот же тупик.
- Вот наши следы, — сказал Петрович. — Видишь, мы свечкой накапали?
- Хочу домой, — захныкал Федя, — мне уже не нравится это приключение.
- Только без слёз! Мы обязательно выберемся. Надо всегда верить в хороший конец. Пошли.
- Они шли, шли и опять пришли.
- Тупик, — вздохнул Федя.
- Тот же самый, — сказал Петрович и сел. — Бегать бессмысленно. Это древний сказочный лабиринт. Выбраться из него невысказано.
- Что же теперь делать? — Федя уже не плакал. Он был полон решимости. Только ещё не знал какой.
- Надо с этим кончать. Бегать туда-сюда без толку, значит, надо... надо... — Петрович почесал за ухом.
- Кончать игру, — подсказал Федя.
- Правильно. Раз у нас ничего не выходит, то мы больше не играем. Давай вместе хором:
- **МЫ НЕ ИГРАЕМ! МЫ НЕ ИГРАЕМ!**
- Как хотите, — сказал Папин голос. — Не хотите — идите домой. Что кричать?
- Куда нам идти? — спросили они одновременно.
- Да куда угодно. Это всё равно, — ответил Папа и зевнул, — мне тоже надоела ваша беготня.

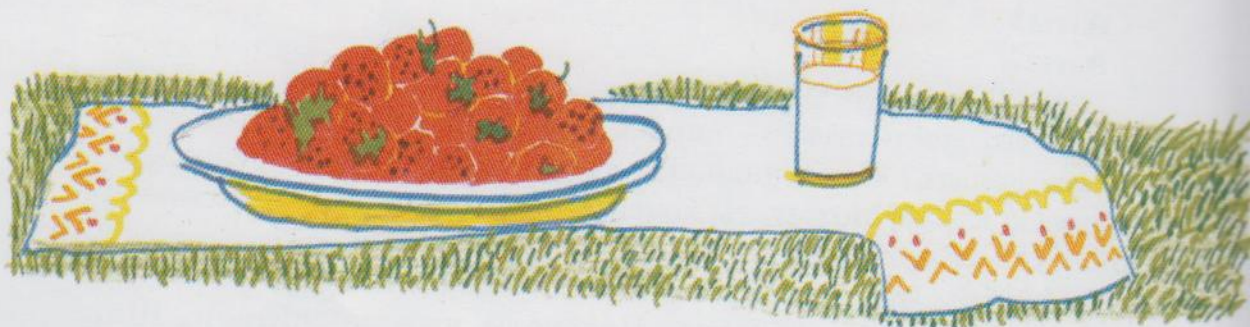
Друзья встали и пошли назад. За следующим поворотом увидели яркий свет и побежали. Они выскочили из подземелья возле самого домика зайца.

— Даже и не подозревал, что в этих кустах подземный ход, — удивился Петрович. — Ну и как тебе подземное приключение?

— Так себе. Шарахались-шарахались, бегали-бегали... Лучше бы на Змея Горыныча посмотрели. Было бы что ребятам рассказать. Есть хочу. Appetit мы нагуляли. У тебя что на обед? Окрошка или салат?

— Салат и окрошка. Пошли скорей.

Петрович задул свечу, и они пошли обедать.

ПРО ЯГОДУ КЛУБНИКУ

— А вы знаете, что клубника уже пошла? — спросил заяц Петрович своих друзей.

— Куда пошла? — удивился Волк. Он с увлечением мастерил вертушку для крыши.

— Никуда она не пошла. Клубника — это ягода такая. Она на Машиной даче растёт.

Волк сильно-сильно дунул на вертушку. Та завертелась быстро-быстро и загудела совсем по-волчьи: у-у-у-у.

— Прекрасно, — сказал довольный Волк, — можно будет в плохую погоду не выть на луну. Вертушка выть будет. Не пойму я тебя, Петрович: то пошла, то не пошла.

— Петрович, — заинтересовался Медведь. Он отложил газету, которую читал по складам и вверх ногами. Когда заяц учил его читать, то держал газету правильно по отношению к себе, а по отношению к Медведю вверх ногами. Так тот и выучился, а переучиваться не захотел. Но сейчас ему было не до чтения. Он услышал про незнакомую ягоду. — Расскажи, Петрович, какая она, клубника?

— Она на малину похожа. Только здоровенная. Вот такая. — И он показал свой кулачок.

— А на вкус? — совсем разволновался Медведь.

— На вкус она клубника. Раз попробуешь — всю жизнь не забудешь, — ответил польщённый вниманием Петрович.

— А что же ты нам попробовать не принёс? — возмутился Федя-медвежонок. Он играл с Лисой в шашки и отодвинул от себя доску.

— Два раза носил. Но не донёс. Она не ноская, — опустил голову Петрович.

— Почему? — удивился Медведь.

— Понимаешь, несёшь её, несёшь, и так хочется её съесть! Хотя бы одну ягодку! Ну и попробуешь одну, а дорога дальняя... Так терпеливо и распробуешь всю. Простите меня, ребята...

— Петрович, а ты, оказывается, эгоист, — сказала Лиса.

— Понимаете, она... вкусная!

— Нет, Петрович, так дело не пойдёт, — сказал Медведь.

— А давайте все вместе в воскресенье ходим на Машину дачу. Там помидоры, поиграем и клубнику попробуем, — предложил Петрович.

— Ура! — закричали все.

— Только я не знаю, как к нашему походу чужие дачники отнесутся, — засомневался Петрович.

— Ничего, — сказала Лиса. — Волк научится лаять по-собачьи. Мы с тобой, косой, по кустикам незаметно прошмыгнём. И насчёт Федя и Медведя тоже что-нибудь придумаем.

Воскресным утром на дачную дорогу вышел Странный Дачник. Он шёл на верёвочке большую серую собаку и поросёнка. Собака тихо лаяла. Голова Странного Дачника была обмотана платком. Нос заклеен газетной бумажкой. Все это прикрывала похожая на шляпу старая соломенная шляпа.

Когда Странный Дачник шёл, придорожные кусты слегка шевелились, хотя никакого ветерка не было. Станных дачников на свете немало, и никто особого внимания на это шествие не обратил. Они благополучно добрались до голубой дачи под большой ёлкой.

— Ура! — закричала Маша. — Мама, Папа, смотрите, кто к нам в гости пришёл!

Маме и Папе очень понравился наряд Медведя.

— Миша, ты не обидишься? — спросила Мама. — Можно я тебя рядом с нашим пугалом сфотографирую. Вы с ним точь-в-точь как братья-близнецы.

— И мы! И мы! Мы тоже хотим с пугалом сфотографироваться! С пугалом, с Мамой и с Папой, — закричали гости.

Так и сделали.

— А где ваша клубника? — спросил Медведь и застеснялся.

— Да вот она, — показала Мама большую грядку.

— Можно посмотреть? — спросил Федя.

— И посмотреть можно, и поесть, и прополоть, и полить, — ответила добрая Мама.

Когда всё это было сделано, Медведь сел на краю грядки.

— Можно я просто так тут посижу, полюбуюсь?

— Это называется — медитация, — сказал начитанный Петрович.

— Медитации не будет, — сказала Мама. — Всем быстро мыть руки, лапы и копыта, Федя, тоже мыть. Обед уже на столе. Вот картошечка, а вот, дорогой Волк, колбаска докторская. Знали ведь любят докторскую колбаску?

— Гав! Гав! — ответил Волк, смущаясь от такого непривычного обращения.

Обед всем понравился. Волк налегал на колбасу, Лиса на курицу, а Медведь с аппетитом ел клубнику со сливками. Петрович чувствовал себя как дома. Он с набитым ртом угощал всех. Даже Маму с Папой.

После обеда работали. Самая интересная работа досталась Папе и Медведю. Они корчевали старую полузасохшую грушу. Остальные давали им советы.

После работы гости и хозяева улеглись в тенёчке среди ромашек и стали обсуждать дальнейшую сказочную жизнь. Мама занялась своим любимым делом — стала греметь посудой на кухне.

— Хорошо бы придумать что-нибудь новенькое, — предложил Папа, — такое, чего ещё ни в одной сказке не было.

— Хорошо бы, — согласились все, — а что?

— Ну вы это сами должны придумать, — ответил Папа. — Вы ведь сказочные звери? Вот и сочиняйте новые сказки, а я вместе с вами посмеюсь и поплачу, если случится что-нибудь грустное.

— Грустное не случится, — заверил Петрович. — В нашем Сказочном лесу всегда весело.

— Вот за это я вас и люблю, — ответил Папа. — Смотрите, вечер уже. Нам домой пора. Завтра мне на работу.

— Идите прощальный воскресный чай пить, — позвала Мама. Наступили сумерки. Пока пили чай, зажглись первые звёзды. Домой отправились вместе, всей компанией. Дошли до автобусной остановки и стали прощаться.

— Я сейчас такую сказку придумал, — сказал Папе Петрович, — такое приключение!

— Не рассказывай, не рассказывай, — попросил Папа, — а то будет неинтересно. Ну всё. До свидания. Петрович, не забудь свою сказку!

Сказочные звери посмотрели вслед светящемуся автобусу, который увозил в город Машу, Папу и Маму.

Когда шли домой, Медведь бережно прижимал к груди трёхлитровую банку с клубникой.

— А ты, Петрович, говорил, что она не ноская. Ещё какая ноская.

— Медведь, а Медведь, дай одну ягодку попробовать, — попросил Петрович. — Только одну. Одну, и всё.

АМЕРИКАНСКИЕ ДРУЗЬЯ

— К нам едет гость из Америки, — сообщил заяц Петрович.

— Кто? Терминатор? Семья Симпсонов? — спросил кабанёнок Федя.

— Мой далёкий родственник Братец Кролик. С ним Братец Лис и Братец Волк.

— Это наши родственники, — сказали Волк и Лиса.

— Надо хорошо подготовиться к приёму гостей, — сказал Медведь.

— Хорошо бы сделать небольшой концерт. Разучить старинные народные песни, — предложил Петрович.

— Можно приготовить пельмени — русская национальная еда, — добавил свою идею Медведь.

Всю неделю сказочные лесные звери были очень заняты. Они приводили в порядок лес, пели хором про одинокую рябину и калинку-малинку.

Волк и Медведь учились лепить лапами пельмени, но у них всё время получались вареники.

— Учтите, — предупредил Петрович, наши американские родственники только с виду на нас похожи. Характеры у нас совсем разные.

— Конечно. Какой характер у автора — такой и у героя. Мы же из разных стран, — согласился Медведь, стараясь отлепить от лапы тесто, — может, не надо пельменей? Может, просто котлет наделаем? Отлепите меня, пожалуйста.

Гости прилетели на вертолёте. Когда вертолёт завис над Главной Поляной, из него вылетели два цветных красивых чемодана. Вертолёт опустился ниже — выпрыгнул Братец Кролик. Когда вертолёт сел, из него вышли, поддерживая друг друга, Братец Лис и Братец Волк. Они были украшены пластырями, синяками и шишками.

— Хау ду ю ду, — блеснул всем своим английским наш Волк.

— Привет, — ответил Братец Кролик. — Мы из переведённой книжки. Можете по-русски.

— Кто вас так поколотил? — спросила Лиса Братца Лиса.

— Это проделки Братца Кролика, — ответил братец Лис, — он

всё время что-то проделывает, — добавил он и потрогал пластырь под глазом.

— Есть недовольные? — спросил Братец Кролик.

Он достал и раскурил сигару.

— Довольны, довольны, — сказали Братцы Лис и Волк, — больше пока не надо.

— А что же Братец Медведь не приехал? — спросил Медведь.

— Лечится. Мои проделки, — коротко ответил Братец Кролик.

— У нас все лечатся, — уточнил Братец Волк.

Братец Кролик сунул сигару за ухо Братцу Волку и стал распаковывать красный чемодан. Он достал из него большую туго свёрнутую трубу.

— А ну! — скомандовал он.

Братцы Лис и Волк раскатали резину по поляне. Братец Кролик нажал на кнопку. Застрекотал маленький насос, и через несколько минут всю Главную Поляну занял небольшой небоскрёб.

— Прошу, — пригласил Братец Кролик и распахнул резиновую дверь. Хозяева сразу почувствовали себя гостями.

В надувном небоскрёбе всё было надувное и резиновое: столы, кресла, цветы и даже картины.

Кролик уселся в кресло, положил ноги на стол и ещё раз сказал:

— Прошу.

Хозяева-гости сели на диван. Братец Лис и Братец Волк остались стоять.

— В чём проблемы? — обратился ко всем Братец Кролик.

— У нас готов обед, — сказал заяц Петрович.

— И концерт, — добавил кабанёнок Федя.

— Сначала концерт, потом обед, — распорядился Братец Кролик,

— потом я сделаю несколько своих проделок.

Концерт всем понравился. Обед тоже.

— Русское гостеприимство. Очень вкусно, — похвалил Братец Кролик. — Теперь надо немного отдохнуть, и приступим. Бинты, пластырь, костыли у вас в заповеднике есть? Нет? Я вам привёз.

Он пнул второй чемодан и направился в свой небоскрёб.

— Думаете, он пошёл отдыхать? — спросил шёпотом Братец Лис. — Он пошёл изобретать новые проделки!

— Он у нас масло украл, а потом обманул, что это сделали мы. Вот мы и подрались, — пожаловался Братец Волк. — Он всё время обманывает, ворует и дерётся. Такой у него характер.

— Сейчас обдумает свою проделку и выскочит, — предупредил Братец Лис. — С вами ещё ничего такого не проделывали? — Он показал на синяк на лбу.

— Вот ещё! — возмутился наш Волк. — Со мной у него этот номер не пройдёт!

- Мы тоже вначале так считали, — вздохнул Братец Лис, — но не такой ловкий!
- Он великий шутник и проказник, — добавил Братец Волк.
- Раз его долго нет, значит, он придумывает что-то особенное. Может, спрячемся? — предложил Братец Лис.
- Вот ещё! — возмутился Петрович. — Не буду я от него прятаться. Скажите, мы приняли вас хорошо?
- Хорошо. Спасибо.
- Ну а теперь сделаем так... — Петрович подошёл к небоскрёбу и вытащил затычку.
- Псссссс! — небоскрёб исчез. Он сдулся.
- Получите любителя проделок в упакованном виде. Чемоданы и резинового Братца Кролика уложили в вертолёт.
- Спасибо вам. Мы так отдохнули и ещё немного отдохнём. Пока не распакуем. До свидания! — помахали братец Волк и братец Лис. Дверь закрылась. Вертолёт сделал круг и полетел в свою Америку.

СИЛА ИСКУССТВА

- Вот смотри, — сказал заяц Петрович и отодвинул занавеску.
- Ну... — сказал его друг кабанёнок Федя.
- Что — ну? Нравится?
- Мазня какая-то. Вроде кто-то с ушами на ком-то сидит... Петрович обиделся:
- «Кто-то на ком-то!» Это я на коне сижу. Вот усы. Похожи?
- Похожи, — согласился Федя.
- Вот нос. Похож?
- Похож!.. И уши тоже вроде похожи. Но откуда конь взялся?
- Я такого среди Машинных игрушек в городе видел. Статный, с гривой, с хвостом, на колёсиках. Колёсики видишь?
- Вижу, Петрович, колёсики! Вижу, вот они, красные такие!
- Нравятся?

— Колёсики очень нравятся! И твой портрет нравится: вот нос, вот усы, вот уши. Вот конь на колёсиках! Здорово! А кто это нарисовал?

— Я. Это автопортрет. Мне Машин папа подарил свои старые краски и сказал: «Дерзай, Петрович». Вот я и дерзнул. Тебе правда нравится?

— Ещё как! Вот нос! Вот уши! Вот конь! Петрович, нарисуй меня! У тебя талант. Нельзя его закапывать. Где мне сесть?

— Федя, а почему ты вначале сказал: «Ну и мазня!»?

— Это я случайно сказал. Не обижайся. Портрет у тебя получился гениальный! Вот уши, вот нос, вот колёсики.

— Ну ладно, садись. Буду рисовать.

Федя сел и стал делать умное лицо. Петровичу такое лицо не понравилось:

— Не надо, Федя, щёки надувать и глаза таращить тоже не надо. Ты и так красивый. Сиди спокойно. Так. Вот нос. Вот ушки. Вот щёки. Щёки покрасим этим цветом. Вот штанишки, а вот рубашка в клеточку. Готово. Ну как, нравится?

Федя смотрел-смотрел, подходил, уходил, наклонял голову то влево, то вправо и сказал наконец:

— Нравится...

Опять посмотрел и спросил:

— А где конь?

— Коня я не нарисовал. Вот ты. Вот стул. Коня нету.

— Интересно, Петрович, у тебя есть конь, а у меня нету. У тебя конь, а у меня стул. Это, по-твоему, честно?

— Ну хочешь, я тебе коня отдельно нарисую?

— Не хочу. Сам на конях разъезжает, а я должен на стуле. Я то думал, у меня есть друг Петрович. А он, оказывается, жадина. Ему жалко дать на коне покататься!

— Да ничего мне не жалко. Вот смотри. Раз-раз — видишь гриву?

— Вижу.

— А вот голова, вот туловище и хвост.

— А красные колёсики?

— Вот и колёсики. Мне для друга ничего не жалко. А теперь смотри.

— Петрович поставил одну картину рядом с другой.

— Поехали, — восхищённо сказал Федя. — Мы поехали, Петрович!

ТРЕБОВАНИЯ ПРОГРЕССА

— Волк собирает собрание на Главной Поляне. Говорит, у него есть идея, — сообщил кабанёнок Федя зайцу Петровичу.

— Опасаюсь я его идей. Что он на этот раз придумал? — Петрович был занят делом. Он старался вдеть нитку в иглолку.

— В этот раз он решил строить железную дорогу из дерева.

— Зачем? — спросил Петрович и снова промахнулся.

— Он говорит, что этого требует прогресс. Он говорит, что мы должны идти в ногу со временем, а без деревянной железной дороги это невозможно. Мы, говорит, в своём заповеднике совсем дикие. Дорога всё изменит.

— Паровоз тоже будет деревянный?

— И паровоз, и рельсы. Где у нас взять железо?

— А где столько дерева взять? — спросил Петрович. — Где он столько досок найдёт?

— Это самое интересное. Волк предлагает сломать твой домик, Петрович.

— Мой домик с ушами?! Он что, с ума сошёл, серый строитель?!

— Это начало. Первый этап. Рельсов и шпал хватит, по Волчьим расчётам, только до моего домика. Потом ломаем мой домик. Потом дома Лисы и Медведя, и деревянная железная дорога доходит до дома Волка. Его ломать не надо. Он живёт возле самой Главной Поляны. В доме Волка будет станция. Он будет сидеть там и продавать нам билеты.

— Чуть какая! Пошли на Главную Поляну!

— Петрович, ты же хотел сначала штаны зашить.

— Успеется. Надо остановить этого любителя прогресса. Бежим!

Пока друзья бежали на Главную Поляну, Волк там втолковывал Медведю свою идею:

— Каждый вечер мы как дураки идём пешком на Главную Поляну, чтобы вместе попить Вечернего чаю. Как дураки?

— Как дураки... — неуверенно согласился Медведь.

— А тут мы сели и поехали. Весело так: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Хорошо?

— Хорошо... — неуверенно подтвердил Медведь.

— Главное в жизни что? — продолжал Волк.

— Что?

— Прогресс — главное. В заповеднике у нас заповедник и никакого прогресса. Во всём мире прогресс, а у нас заповедник. Дикость! Запустение! Звери всякие по лесу бегают! А тут, представь себе, паровоз без единого гвоздя с голубым вагончиком: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Хорошо?

— Очень хорошо, — кивнул головой Медведь.

На Главную Поляну выбежали Петрович и Федя.

— Волк, ты правда задумал сломать мой домик?

— Ну, Петрович, во-первых, не сломать, а аккуратно разобрать, во-вторых, прогресс требует временных неудобств. Зато потом будет очень хорошо. Надо немного потерпеть.

— Привет, — сказала, выходя на Поляну, Лиса. — Как идёт обсуждение?

— Очень хорошо, — сказал радостно Волк. — Медведь уже согласился. Петрович с Федей ещё немного сомневаются, но, я думаю, завтра начнём строительство.

— Прекрасно! — сказала Лиса. — Мне твоя идея, Волк, очень нравится. Голубой вагончик и всё такое... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Очень славненько. Хватит жить по старинке! Вперёд! Станем как все! Ура!

— Ура! — подхватил Волк. — Будем голосовать. У меня, как у автора проекта, два голоса. Медведь — за, Лиса — за. Я — само собой, тоже за! А вы двое, что молчите?

— Мы против, — ответили Федя с Петровичем.

— Меньшинство. Значит, завтра начинаем!

— Не торопись, Волк, — остановила автора проекта Лиса. — Я в принципе — за. Но надо уточнить детали.

— Какие детали? Колёса? Они тоже будут деревянные.

— Нет, не колёса. Самое важное. Откуда начинать строительство.

— Как — откуда? — удивился Волк. — Завтра ломаем дом Петровича — и вперёд! Стройка века. Прогресс! Тук-тук, тук-тук, тук-тук деревянные колёсики по деревянным рельсам. Ура!

— Нет, не «ура», — возразила Лиса. — Строить будем не от дома Петровича, а от твоего дома.

— Как — от моего? — опешил Волк.

— А вот как. Ты автор проекта?

— Я! — гордо встал в позу Волк.

— Значит, с тебя и начинать. Если поезд поедет, мы все дома переломаем. Оставим только домик Петровича. Сделаем там станцию. С буфетом и кассой. Пусть Петрович чаем и билетами торгует. Согласен?

— Не согласен! Не согласен! А если деревянный поезд не поедет? Где я тогда зимой жить буду?! — взвыл Волк.

— Ничего-ничего, — стал успокаивать его Петрович, — прогресс требует от тебя, Волк, жертв. Завтра с утра приступаем. Ты сейчас беги заранее вещи из дома вынеси. А то, сам понимаешь, каждая минута дорога. Прогресс ждать не любит.

— Во! — Волк сунул под нос Петровичу фигу. — И тебе — во! И тебе — во! Всем вам — во! Раскатали губу на чужое добро! На паровозиках захотели покататься! Тук-тук, тук-тук, тук-тук, деревянные колёсики! Вот вам, а не колёсики!

Волк отпихнул Петровича, сунул лапы в карманы и пошёл домой. На краю Поляны он остановился:

— Эх вы! Такую идею загубили! Эгоисты!

— Ничего, — сказал Петрович, — это с ним иногда случается. Хорошо, что идеи к нему приходят редко.

КОШКА

— Помните моего котёнка? — спросила Маша. — Я давно с ним приезжала в Сказочный лес? Теперь он стал Кошкой. Можно наша Кошка у вас в заповеднике немного поживёт? Её не с кем оставить, а мы уезжаем к морю. У неё тяжёлый характер. Она чужих не признаёт. Царапается.

— Конечно, — согласился Медведь, — нас она не тронет.

— Пусть поживёт, — добавил Волк.

— А как её звать? — спросила Лиса.

— Зовут её Кыс-Кыс, или просто Кошка. Иногда Кошмара — когда царапается. У неё есть проблемы с общением.

Маша открыла сумку, достала книгу про кошек, блюдечко, два пакета кошачьего корма и белую с пятнами кошку. Кошка глянула на зверей жёлтыми дикими глазами, рванулась и стрелой взлетела на дерево.

— Вот видите. Она такая нелюдимая, — вздохнула Маша.

— Ничего, привыкнет, освоится, — сказал заяц Петрович.

— Мы её приручим, — добавил кабанёнок Федя.

— Я уезжаю на две недели, — сказала Маша, — надеюсь, всё будет хорошо. До свидания! До свидания, Кошмара! Она всё-таки меня оцарапала. Всем привет!

— Пока, Маша! Пока! — замахали лапами сказочные звери.

Маша уехала, и все стали смотреть на кошку на дереве.

— Кыс-Кыс, — позвала Лиса.

Кошка презрительно отвернулась. Она ни с кем не хотела говорить.

— Можно подумать, что это не мы дикие звери, а эта городская кошка, — сказал Волк.

— Оставьте её. Пусть успокоится. Завтра утром посмотрим, что с ней делать, — предложила Лиса. — Книгу про кошек я с собой возьму. Почитаю вечером.

Утром корма в пакете поубавилось, и вода из блюдца исчезла, но Кошка по-прежнему сидела на дереве.

— Какая недоверчивая, — сказал заяц Петрович.

— Кошки всегда такие, — сказала Лиса, — но я знаю один секрет.

— Что за секрет? — спросил Медведь.

— Идите поближе, — сказала Лиса громко, — чтобы она не слышала, — и кивнула в сторону дерева. — Секрет в том, — продолжила она шёпотом, — что все кошки ужасно любопытные. Пошли в сторону, сыграем партию в домино. Увидите, что будет.

Звери уселись у большого пня и стали играть в лесное домино. Скоро увлеклись и о кошке забыли. Глянули на дерево — кошки нет.

— Не обращайтесь внимания, — тихо сказала Лиса. — Сейчас твой ход, Волк. Не зевай.

— А какой у вас от меня секрет? — спросил вкрадчивый кошачий голос.

— Секреты чужим не говорят, — ответила Лиса, не оборачиваясь.

Кошка вышла на Поляну. Прошлась туда-сюда. Села, посидела. Подошла ближе, спросила:

— Можно я с вами посижу?

— Садись, — ответил Медведь и подвинулся.

Кошка села в круг. Она с любопытством смотрела на лесных жителей. Наблюдала за игрой. Принюхивалась. Поняв, что на неё никто не обращает внимания, притворно зевнула и спросила:

— Во что играем?

— Лесное домино, — стал объяснять Федя. — Вот видишь, тут нарисованы жёлуди — ставим сюда, а тут малина — значит, ставим сюда.

— Понятно, — сказала Кошка. — Можно мне попробовать?

Через полчаса она уже заправски стучала домино и даже пыталась жульничать.

— Все кошки игривые, — сказала Лиса.

— Само собой, — согласилась Кошка. — А в чём же секрет?

— Секреты сразу не выдают. Их хранят. Иначе что же это за секрет? — сказала Лиса.

— Понятно, — обиженно протянула Кошка. — Знала бы, с дерева не слезала, не унижалась бы.

— Да ладно. Не обижайся, — сказал заяц Петрович, — это была наша хитрость. Мы хотели с тобой поближе познакомиться. Подружиться. А как дружить с тем, кто сидит на дереве и фыркает?

— Значит, секрета нет? — еще больше обиделась Кошка.

— Секрет есть, — улыбнулась Лиса. — Я знаю, что кошки очень любопытные, игривые и ласковые. Они любят, когда их гладят за ушком. Ещё они любят свежую рыбку. Пойдём на рыбалку?

— Пойдём, — милостиво согласилась Кошка.

И они все вместе отправились на рыбалку.

Когда через две недели Маша приехала за Кошкой, то очень удивилась:

— Что это с ней? Она стала такой доверчивой! Спит у Волка на коленях! А какая она толстенная! Чем вы её так откормили?

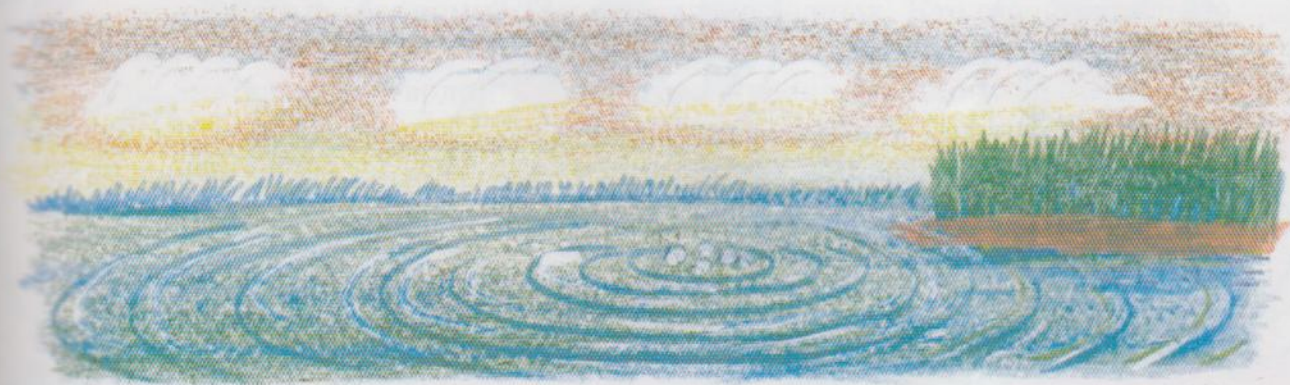
— Секрет в том, что Волк подарил Кошке удочку, — объяснил заяц Петрович. — Теперь Кошка вместе с Волком целыми днями рыбачит. Первая рыбка — всегда Кошке.

— И ещё секрет в том, что я прочитала книгу про кошачьи секреты, — добавила Лиса.

Услышав про секреты, Кошка приоткрыла один глаз.

— Поедем домой? — спросила Маша Кошку. — Или ещё хочешь погостить?

— Пожалуй, ещё погощу, — ответила Кошка. — Последние дни клёв хороший. Карасики так и лезут на крючок. — Кошка улыбнулась и снова закрыла глаза.

ВОЛЧЬЯ СЛАВА

— Отсталые вы звери, — сказал Волк и подбросил в костёр полено.

— От кого отсталые? — поинтересовался кабанёнок Федя и протянул к огню ножки.

— От жизни. А я радио слушаю! У меня приёмник есть. Во всём мире знаете, что происходит? Ого-го! А у нас? У нас разве это жизнь?

— А что? — удивился заяц Петрович. — Ходим друг к другу в гости, придумываем приключения, купаемся, играем, вечером чай пьём на Главной Поляне. Чем не жизнь?

— Вот-вот. Слоняются по заповеднику заяц с поросёнком, и всё. Какой-то оазис непуганых зайцев, а не современный лес. Отсталость, серость и запустение.

— Волк, может, у тебя есть идея? — подозрительно спросил Медведь. — Может, опять хочешь строить деревянную железную дорогу без единого гвоздя?

— Нет. Хочу что-нибудь такое сделать, чтобы радио обо мне сказало: «Необыкновенный волк живёт в Хехцирском заповеднике...»

— Славы захотел? — поинтересовалась Лиса.

— Да, захотел! А что тут плохого? Все хотят. Хочу попасть в радио и в Книгу Гиннеса. Есть такая книга рекордов.

— Что там за рекорды? — спросил Федя.

— Если, к примеру, кто-нибудь при свидетелях съест тысячу котлет за две минуты, то — в Книгу. Или если кто носом может любой замок открыть — тоже в Книгу попадёт.

— И что он в этой Книге делает? — спросил Медведь.

— Сидит себе и сидит, — ответил Волк, допивая чай, — а потом вдруг кто-нибудь откроет Книгу, а там он сидит! Приятно?

— Может, и приятно, — засомневался Петрович, — но, наверное, скучно сидеть одному в темноте и ждать, пока кто-нибудь заглянет в эту дурацкую книгу. Одному в темноте — чего хорошего?

— Почему — одному? Там ещё много разных. Кто плюнул дальше всех, кто с тридцатого этажа с небоскрёба прыгнул и не разбился, кто два часа под водой без воздуха просидел... Хочу побить один из этих рекордов. Во! Придумал! Завтра побью. Ну, пока. — Волк повесил на ветку берёзы свою кружку и пошёл домой.

— Да, надо бы присмотреть за этим любителем славы, — озабоченно сказал Медведь.

— Надо, — согласилась Лиса. — Он на всё способен, когда у него в голове идея. Представляете? Включаем радио, а оно говорит: «Необыкновенный волк живёт в Хехцирском заповеднике. Он такое натворил, что попал в книгу рекордов Гигоса. В результате заповедника больше нет».

— Федя, Петрович, с утра пораньше идите к Волку в гости. Потом Лиса последит, а после обеда я, — распорядился Медведь.

Утром Волк сидел на крыльце, завтракал.

— Привет, Волк! Приятного аппетита, — сказали Петрович и Федя, выходя из кустов.

— Привет. Хорошо, что вы пришли. Мне свидетели нужны. Сейчас рекорд бить буду.

Волк глотком воды из ковшика запил собачьи консервы, прихватил сумку, и они двинулись к реке.

— Какой рекорд ты придумал? — поинтересовался Федя.

— Буду сидеть под водой три часа. Прошлый рекорд — два часа. Я посижу три. Вы будете моими ассистентами. Вот вам часы и верёвка. А вот и самое глубокое место.

— Верёвка зачем? — спросил Федя.

— Чтобы меня связать. А то вдруг мне подышать захочется и я вылезу раньше времени. Вытащите ровно через три часа! Поняли?

Когда стрелка будет здесь, тащите тогда меня из воды за эту же верёвку. Всё. Вяжите лапы.

— Ребята, — спросила Лиса, выходя на берег, — вы что, Волка поймали? Что он такое натворил, наш славный Волк?

— Он на рекорд идёт в воду, — ответил Петрович и крепко затянул узел на волчьих лапах.

— Мы его сейчас топить будем, — добавил Федя.

Волк зубами попробовал узлы на прочность.

— Хорошо. Ну пока. Слушайте радио. — И солдатиком прыгнул в воду. Бульк! И нету.

Федя сел на пенёк и стал смотреть на часы. Петрович держал конец верёвки.

— Вы что, с ума сошли?! — закричала на них Лиса. — А ну вытягивайте!

Друзья схватились за верёвку и вытянули мокрого бездыханного Волка.

— Наглотался наш рекордсмен, — вздохнула Лиса. — Развязывайте верёвки, делайте искусственное дыхание. По моей команде начали: раз-два, раз-два, раз-два... Давайте-давайте! — Лиса взяла часы и подвела стрелки. — Волк, а Волк! Сейчас я ему на живот надавлю.

Из пасти Волка вылилась лужа. Он открыл бессмысленные глаза.

— Смотри, Волк, — Лиса показала ему часы. — Иди домой. Рекорд побит. Ты сам дойти сможешь?

— Мы его проводим! — Петрович и Федя подпёрли Волка с боков и повели домой.

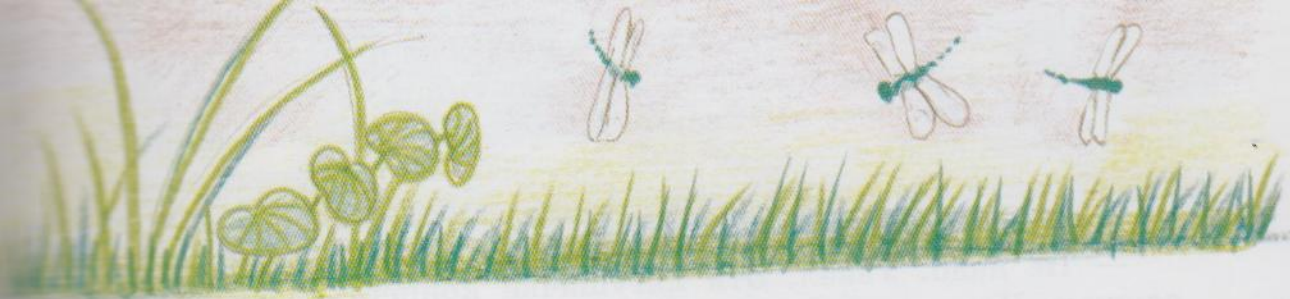
— Включайте радио погромче, — сказал Волк слабым голосом, опускаясь на крыльцо.

Петрович нажал на кнопку.

— Семь часов пятнадцать минут, — сказала радио. — Необыкновенные звери живут в Хехцирском заповеднике под Хабаровском. Заяц Петрович и малолетний кабанёнок Федя спасли тонущего Волка. Они не только оказали хищнику первую помощь, но и доставили его домой. Это небывалый случай. Имена друзей-спасателей решено внести в специальную Книгу рекордов Гиннеса для животных. Состояние Волка удовлетворительное. Для маленьких самоотверженных хехцирских спасателей звучит полонез Огиньского.

Ещё не просохший Волк сидел на крыльце и размазывал по морде слёзы:

— Какая прекрасная музыка! И радио такое заботливое, говорит, состояние у меня удовлетворительное. Спасибо вам, ребята. Что бы я без вас делал? Всё-таки радио обо мне сказала! Состояние, говорит, у меня удовлетворительное. Какое счастье!

ФОЛЬКЛОР

Заяц Петрович и кабанёнок Федя сидели за столом у летней кухни. Петрович вынес из домика толстую тетрадь и зажёл лампу.

— Что за тетрадь? — спросил Федя.

— Записываю в неё местный мелкий фольклор. Сказки, истории, песенки, которые сочиняет всякая мелюзга: воробьи, лягушки, водомерки, комары...

— А разве у них тоже есть сказки? — удивился Федя.

— Конечно есть. Простенькие. Маленькие. Какие авторы — такие и сказки. Хочешь, прочту одну, а ты угадай: кто это сочинил?

— Читай, — согласился Федя и хлопнул себя по носу. — Комары совсем обнаглели! Как вечер — житья от них нет.

Петрович полистал тетрадку.

— Вот в этой сказке, Федя, рассказывается про тебя.

— Про меня? — изумился поросёнок. — Читай! Читай!

Петрович откашлялся и стал читать тоненьким голоском:

— Летиммм-м-м. Гудиммм-м-м. Вот Федя. Ую-ю-ю! Федя вкусный! Ую-ю-ю! Какой Федя вкусный-и-и! Лю-ю-юбимм Федю! Сей-й-йчас! Ую-ю-ю! Вот! Лю-ю-юбим, лю-ю-юбим. Не надо! Всех не перебьё-о-ошь! Ую-ю-ю.

— Это комары кусаются. Только это никакая не сказка, а какие-то воспоминания подбитого комара.

— А что ты хотел? — удивился Петрович. — Чтобы комары написали два тома приключений? Зато тут есть комариные сказки про Волка, Лису, Медведя и меня. Комары всех любят. Они, Федя, без нас просто жить не могут.

— От этой комариной любви сбежать охота, — проворчал Федя. — Давай, Петрович, сделаем дымок. Мне почему-то жалко стало бить этих комаров. Они тебя так любят, а ты их хлоп — и нету.

Петрович бросил в костёрчик сырой травы. Повалил дым. Обиженные комары вмиг разлетелись.

— Сознайся, Петрович, комариную сказку сам сочинил?

— Нет, это настоящая комариная сказка. Я её только чуть-чуть сократил. Надоело буквы «И» и «Ю» писать.

— Прочитай что-нибудь ещё, — попросил Федя.

Петрович перевернул страницу и стал читать скрипучим голосом:

— «Квакие комары! Квакие комары! Квасавцы! Квасавцы! К нам! К нам! Ква-ам. Ква-ам. Ква-ам.. Теперь кванцерт. Квакквак! Квакквак! Квак! Ква...». Ну, дальше тут, Федя, идёт партитура Большого ночного концерта. Читать?

— Не надо. Узнал. Эти лягушачьи концерты каждый вечер слушаю. Что тут угадывать? А дальше чья сказка?

— Опять про тебя, а чья — угадай! — И Петрович закричал пронзительным голосом: — «Кошмар, катастрофа, разбегайтесь! Кто-то идёт! Идёт кто-то! Берегись! Отбой! Это Федя проснулся! Позор! Федя грязный! Грязнула, грязнула! Позор! Отбой! Умылся. Федя красавец! Орёл! Рано встал! Труженик! Идёт к Петровичу! Ура! Встреча друзей назревает! Петрович спит! Позор! Опрятный друг Петровича приближается, а он дрыхнет! Позор! Позор!...» Ну тут она всяко меня обзывает. Это уже неинтересно. Кто это?

— Сорока конечно. Истеричка она. Вечно панику в лесу разводит. Покоя от неё нет.

— Она для нас старается. Характер у неё такой беспокойный. А вот тихая сказка: «Шуршим за грибами. Все за мной шледом. Малыши, за мной. Шур-шур-шур-шур. Гриб. Хороший? Хороший. Взяли и шуршим дальше. Штойте! Лежим не шуршим. Ага! Укололся! Фу на тебя! Фу на тебя! Ушёл. Шуршим дальше...»

— Это ёжики! — обрадовался Федя. — Очень похожи. Фу, Шур и всё такое. А ещё кто в твоей тетрадке есть?

— Шмыг — туда, — начал читать тихим голосом Петрович, — шмыг — сюда, шмыг — туда, шмыг — сюда, шмыг — туда, шмыг, шмыг, шмыг...

— Это что? Мыши полевые? — спросил Федя.

— Нет.

— Может, это ты, Петрович, от Волка убегаешь?

— Вот ещё! Буду я от него убежать. Давай думай, Федя!

— Сдаюсь. Не знаю, кто это такой молчаливый шмыгает.

— Это водомерки. Шмыг — туда, шмыг — сюда, и так целый день! Пришлось немного сократить. Скоро мне Маша из города микроскоп привезёт. Тогда можно будет записать сказки-истории такой мелюзги, что её и глазом не видно. Сказки есть у всех, только их никто слушать не хочет. Заняты все: шмыг — туда, шмыг — сюда.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Дверь распахнулась, и вбежал запыхавшийся кабанёнок Федя.

— Петрович! Волк пропал! — закричал он с порога.

— Почему ты так решил? — Петрович отложил ручку и отодвинул тетрадку. Он каждый день делал в заячьем дневнике короткие записи. Вроде: «Сегодня дождь и ветер. Федя опять решил чинить крышу». Или: «Сегодня солнечно. Федя отложил починку крыши».

— Почему я решил, что наш Волк пропал? А ты сам, Петрович, вспомни: видел ты его вчера?

— Нет.

— А позавчера?

— Нет.

— А позавчера?

— Тоже вроде нет. Может, он к кому-нибудь в гости уехал?

— Куда он уедет? Он одинокий Волк. У него никого, кроме нас с тобой, нет на белом свете! Надо срочно его искать и спасать! Снаряжаем экспедицию!

Петрович быстро записал в дневнике: «Погода хорошая. Пропал Волк. Отправляемся в спасательную экспедицию».

— Хватит писать! — кричал в это время взволнованный до невозможности Федя. — Каждая минута дорога! Может, лежит сейчас бедный Волк, придавленный сосной, и стонет: «Где Федя? Помоги! Где ты, голубчик?»

— Не плачь, — успокоил друга Петрович, быстро укладывая в рюкзак самое необходимое: две морковки, верёвку, нож. Подумал-подумал и положил туда же кочан капусты среднего размера.

— Где?! Где мы его найдём?! Может, он утонул? Может, он пошёл по Безвыходному болоту и провалился? И теперь держится изо всех сил за тоненькую веточку, весь утонувший, и стонет: «Федя, Федечка мой, спаси меня, голубчик!»

— Вперёд! — скомандовал Петрович. — Спасательная экспедиция отправляется к Безвыходному болоту.

И они зашагали в сторону знаменитой трясины, куда обычно никто не ходил.

— Я чувствую, что он здесь! — вскрикнул Федя, оказавшись на краю болота.

— Стоп! — скомандовал Петрович. — Прекрати причитать и суесться. Болото этого не любит.

Он срезал длинную палку, обвязал себя и Федю длинной верёвкой.

— Верёвка зачем? — спросил Федя.

— Один провалится — другой вытащит. Иди за мной след в след.

Петрович стал нащупывать палкой — куда можно поставить лапу, и они осторожно двинулись в глубь Безвыходного болота.

Скоро друзья так измазались в серо-зелёной болотной жиже, что стали очень похожими.

— Осторожно! — вдруг крикнул Петрович и провалился.

— Держись! — крикнул Федя и стал тянуть верёвку. Он тянул, тянул и сам стал проваливаться.

— Ложись, — сказал Петрович, — и держи конец моей палки. Теперь осторожно подтягивайся. Так-так. А теперь тяни меня!

Долго они возились в грязи. Потом кое-как выбрались на противоположный край болота. Болото чавкнуло, недовольное, что отпустило добычу.

— Волка здесь нет, — сказал Петрович, — может, он пошёл в другую сторону? — И махнул лапой в сторону Синей горы.

— Ну конечно! Какой дурак полезет в болото? Как я сразу не догадался? — обрадовался Федя.

И они зашагали в сторону Синей горы. Верёвку на всякий случай решили не развязывать.

Болотная грязь на спасателях подсохла и потрескалась, и они стали напоминать двух бесхвостых крокодилов.

— Хорошо бы умыться, — сказал Петрович, — но, как назло, здесь ни ручейка, ни лужи. Смотри, как от нас шарахаются кузнечики и лягушки. Не узнают!

Они добрались до Синей горы. Излазили её вдоль и поперёк. Заглянули во все трещины и провалы. Волка нигде не было.

— Как хочешь, Федя, а я проголодался. Надо перекусить и отдохнуть, — сказал Петрович и сел.

— Какой отдых! — возмутился Федя. — Гибнет наш Волк, а ты хочешь набивать себе живот капустой!

Он стал дёргать свой конец верёвки, но Петрович невозмутимо развязал рюкзак и достал капусту. Он снял два верхних грязных листика, и капуста прямо засверкала и засветилась. Она стала такой аппетитной, что Федя перестал дёргать верёвку, сел и сказал:

— Ладно. Давай перекусим.

— Вдев э ево ивкать? — с набитым ртом спросил Петрович.

— Ны наю! — ответил, с трудом ворочая языком, Федя и вздохнул.

На небе появилась первая звезда.

— Заночуем здесь, — предложил Петрович, — а утром отправимся на поиски.

Они заснули между двух больших валунов, тесно прижавшись друг к другу. Сначала камни отдавали дневное тепло и грели. К утру остыли и стали холодными. Путешественники замёрзли и проснулись рано.

С первыми лучами солнца они принялись лазить по оврагам, дебрям и колючим кустам. Очень устали, изорвали одежду и исцарапались, но следов Волка нигде не нашли. Когда были съедены морковки, Петрович предложил сходить домой, пополнить запасы продовольствия. Федя спорить не стал. Уже стемнело, когда экспедиция вышла на Главную Поляну.

У костра сидели Медведь, Лиса и Волк. Увидев оборванных, грязных, связанных верёвкой Федю и Петровича, они очень удивились. Больше всех удивился Волк.

— Что случилось? — спросил он у членов спасательной экспедиции.

— Волк пропал. Мы его ищем, — ответил плохо соображающий от усталости Федя.

— Где ты был, Волк? — спросил Петрович.

— Где был? Дома был. Кроссворд разгадывал. Застрял на одном слове. На слове из пяти букв. Вторая буква У, третья Р, последняя К. Слово обозначает слабые умственные способности. Отгадывал, отгадывал три дня! Так и не отгадал.

Петрович подёргал верёвку, и они с Федей пошли к речке отмываться.

Экспедиция закончилась благополучно.

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

— Тебе письмо от зайца Петровича, — сказал Папа, протягивая свёрнутую в трубочку берёсту.

Маша осторожно её развернула.

— Что пишет? — поинтересовался Папа. — Прочитай. Ты одна умеешь разбирать заячьи каракули.

— Пишет, что скучает. Что в лесу весело. Что между первым и вторым классом надо обязательно хорошенько отдохнуть и поэтому он зовёт меня в гости на каникулы в Сказочный лес.

— Заячьи фантазии, — засмеялся Папа. — Разве может настоящая девочка все каникулы провести в сказке? И потом, мы же на море собрались.

— Ну Папа! Папа, отпусти хоть на недельку. Ты же сам каждый день говоришь: оставь компьютер, иди подыши свежим воздухом. А где лучший воздух? На Хехцире! В Сказочном заповеднике! Отпусти, Папа!

— Мама! — закричал Папа. — Мама, иди сюда! Ты знаешь, что наша Маша удумала?

Мама перестала греметь посудой.

— Что? — спросила она, входя в комнату.

— Маша на неделю собралась отправиться в Сказочный лес.

— А что, — поддержала Мама, — сама бы с удовольствием сбежала на неделю из этого душного города на дачу. Хорошо она удумала.

— Ура! Мама разрешила! Ура! — запрыгала от радости Маша. — Папа, не переживай! Я же помню волшебные слова. Если что-то случится, скажу их — и тут же окажусь дома.

Она помахала родителям рукой. Ещё раз подпрыгнула и исчезла.

Папа укоризненно посмотрел на Маму, вздохнул и принялся раскладывать цветные карандаши. Он решил нарисовать Сказочный лес, чтобы посмотреть, как там у Маши дела.

А Маша вышла по тропинке на Главный пляж. На берегу никого не было, только две лягушки красили друг друга тёмно-коричневой краской.

— Привет, — сказала Маша. — Зачем вы это?

— Квамодно! Квамодно! Квасота! — заорали в ответ лягушки.

— При чём тут комод? — не поняла Маша.

— Они говорррят: модно, крррасота! Урра! Приехала Маша! Она пррриехала! Я же говорила — пррриедет! Ура! — Сорока сорвалась с ветки и улетела. Сразу стало удивительно тихо.

Маша прилегла у самой воды и стала смотреть, как маленькие улитки с круглыми домиками прокладывают по дну свои тропинки. У берега толкалась серебристая мелюзга — мальки. Они открывали рты и тарацили на Машу глаза. «Наверное, ещё не умеют говорить», — подумала Маша. Мокрые камешки в воде были яркими, разноцветными. Маша так засмотрелась на подводную жизнь, что не заметила, как справа от неё прилёт заяц Петрович, а слева — кабанёнок Федя. Они лежали втроём и смотрели на коричнево-зелёного рака, который плыл куда-то задом наперёд по своим рачьим делам.

— Пошли обедать, — предложил Федя. — Петрович к твоему приезду, Маша, приготовил сказочный обед.

— Немного попозже, — ответила Маша. Она перевернулась и стала смотреть в синее небо, где гонялись друг за другом кучерявые облака.

— Как школа? Тяжело учиться? — спросил заяц Петрович и тоже перевернулся на спину.

— Тяжело, но не очень. Давайте полетаем, — предложила Маша.

— Без обеда? — спросил Федя. — Ты хочешь сделать из меня голодного воробья?

— Давайте просто так, без крыльев полетаем. Я часто летаю во сне. Папа говорит, что я так расту. — Маша взяла зайца Петровича за лапу. — Давайте вот так возьмёмся и полетим все вместе к этим облакам.

— Я не полечу, — Федя насупился, — не хочу расти. Хочу всегда быть прикольным поросёнком. Лучше буду лежать и любоваться вашим свободным полётом. Летите-летите.

И они полетели. Совсем не меняя позы, они провалились в синее-синее небо, и земля от этого стала голубой. Внизу петляла сказочная река. Там где-то далеко-далеко лежал поросёнок Федя, который не спешил превращаться в матёрого клыкастого кабана.

Со всех сторон друзей окружали белые облака. Маша с Петровичем разогнались и влетели в середину облака.

— Я его узнал! Это же утренний туман! — закричал счастливый Петрович.

Они стали нырять в облаках, кувыркаться и делать смешные фигуры, как два дружных самолёта на воздушном параде.

— Сейчас налетаюсь и вырасту большой, как слон! — кричал Петрович на всё небо.

— Стойте! Подождите меня! Дай руку, Маша! Я с вами! — Это Федя подлетал к ним почему-то задом наперёд.

Втроем летать стало ещё веселее.

А в это время Папа уже нарисовал синее небо и белые облака. Когда на листе стали проявляться кувыркающиеся в облаках Маша с друзьями, Папа снова позвал Маму:

— Смотри, к чему приводит твоё воспитание. Вот что вытворяет наша дочь в Сказочном лесу!

Мама взяла рисунок в руки. Она долго-долго на него смотрела и сказала:

— Посмотри, какие они счастливые. Может, бросить на денёк все дела, отпроситься с работы? Как ты думаешь, Папа, мы ещё умеем летать?

ВОЛЧЬЯ ИДЕЯ

— А знаешь, Волк, почему все твои хорошие идеи плохо кончаются? — спросил кабанёнок Федя.

— Почему?

— Потому что хорошее ты всегда делаешь только для себя. Обо всех других ты просто не думаешь. Вот.

Волк ничего не ответил. Он задумался, почесал затылок. Потом вдруг махнул лапой:

— Ладно! Есть у меня идея. Такое для всех вас сделаю! Благодарить устанете. Пока, приятели!

— А что ты такое придумал?! — крикнул вслед Волку заяц Петрович, но тот даже не оглянулся. Минута — и он скрылся за поворотом тропинки.

— Ой! — сказал Петрович.

— Ой! Ой! Что натворили! — схватился за голову Федя. — Натолкнули Волка на новую идею.

Петрович вскочил:

— Что сидишь? Надо к Медведю бежать!

И они побежали самой короткой тропинкой.

А Волк шагал к своему дому и пинал все встречные мухоморы. Он очень злился. Дело в том, что идеи у него не было. Было огромное желание придумать и сделать что-нибудь очень хорошее — хорошее для всех. Чтобы все говорили: «Наш Волк молодец! Такого Волка надо увековечить! Надо памятник ему на Главной Поляне поставить».

— Привет, Волк! Куда несёшься? Почему не здороваешься? — спросила Лиса. Она уже набрала большой букет саранок и была в прекрасном настроении.

— Здравствуй, рыжая. Несусь по своим делам. Тебя они не касаются.

— А что ты с утра злой такой?

— Идею обдумываю.

— Опять!!!

— Что — опять, что — опять! Хочу очень хорошее для всех сделать, чтобы все меня хвалили. Понимаешь?

— Понимаю.... А что за идея?

— Не скажу. Сама увидишь. Все ахнут!

— А если ойкнут? Ойкнут и вздрогнут?

— Не переживай! Всё будет отлично! Некогда мне с тобой время терять! — И Волк понёсся дальше.

Лиса вздохнула, покачала головой, подумала и пошла к Медведю. Там она застала кабанёнка Федю и зайца Петровича. Лиса поздоровалась и спросила:

— Вы знаете, что удумал Волк?

— Знаем. Опять идея у него, — ответил Медведь. — Что-то грандиозное он для всех нас придумал. Когда у него большие идеи — у нас большие неприятности. Такой у него талант.

— Идея, похоже, у него ещё не готова, — сказала Лиса, — я только что с ним говорила.

— Значит, у нас есть время!

— Успеем подготовиться. — обрадовался Петрович.

— Как подготовиться? — спросил Федя.

— Возле каждого дома надо поставить по бочке с водой на случай пожара, — предложил Медведь.

— Давайте на Главной Поляне сделаем навес и траншею выроем, — предложила Лиса.

— Зачем? — удивились все.

— Если что сверху будет падать — мы под навес, а если что взорвётся — прыгнем в траншею.

— И ещё! — Федя постучал себя по голове. — Давайте наденем строительные каски. Это иногда спасает жизнь.

— Надо ещё приготовить ломы, — сказал Медведь, на случай если придётся разбирать завалы. Итак, подведём итоги: вода, траншея, навес, каски и ломы. Согласны?

Все согласились и тут же принялись за работу. Надели каски, натаскали воды. Каждый взял по лому и другой инструмент, чтобы построить навес, и скоро работа закипела.

Был уже вечер, когда на Главную Поляну вышел хмурый, чем-то расстроенный Волк. Он даже, кажется, похудел.

Волк подошёл к строителям:

— Что строите, ребята?

— Навес строим, — ответил Федя, ловко орудуя рубанком.

— Зачем? — удивился Волк.

— Да так, на всякий случай, — ответил Петрович, подавая Медведю баночку с гвоздями.

— Я тоже хочу строить. Каску дадите?

Волк напялил каску и тоже взялся за работу. Трудились до самой темноты.

— Завтра к обеду надо закончить, — сказал заяц Петрович и отряхнул с ушей опилки.

— А куда так торопимся? — удивился Волк.

— Нам к вечеру ещё траншею надо выкопать, — объяснил Федя.

— А зачем? — вытаращил глаза Волк.

— На всякий случай. Тебе же сказано: «На всякий случай», — толково объяснила Лиса.

— А-а-а... Ну тогда понятно. Завтра во сколько собираемся?

— Позавтракаешь и приходи.

За работой не заметили, как промелькнул и следующий день. Траншея получилась на славу. Широкая, глубокая, даже со ступеньками, чтобы удобней было вылезать. Ступеньки предложил сделать Волк, и все его хвалили.

— А завтра что будем делать? — спросил Волк, после того как несколько раз спрыгнул в траншею и вылез из неё по ступенькам.

— Завтра будем отдыхать и ждать, — ответил заяц Петрович.

— Чего ждать? Мне кажется, вы от меня что-то скрываете, — обиделся Волк, — какие секреты могут быть между друзьями? Объясните, для чего мы всё это настроили? Зачем эти каски и ломы?

— Понимаешь... Волчок, — осторожно начала Лиса, — мы решили заранее, на всякий случай приготовиться.

— К чему?

— Ты только не обижайся, дорогой, к тому, что ты задумаешь и осуществишь свою новую идею. Это мы так, на всякий случай. Не обиделся? А?

— Зря вы это всё копали и строили. Зря я вам помогал.

— Почему? — удивились все.

— Нет идеи. Я думал, думал и ничего не придумал, вот почему!

— Волк горько вздохнул и махнул лапой.

— Ура! — закричали все и бросились качать Волка. Они подбрасывали его и кричали:

— Молодец! Молодец! Молодец!

Когда устали, поставили на землю и принялись хлопать по плечам, жать лапы. Волк думал: «Получилось! Все довольны! Все радуются! Чудеса какие-то!»

Потом пили Вечерний чай под новым навесом и беззаботно болтали о всяких лесных делах.

Когда собрались расходиться, Волк сказал:

— У меня есть идея!

Все вздрогнули и остолбенели.

— Не бойтесь, ребята. Я просто хочу предложить установить под навесом стол, скамейки и развесить флажки.

— Умница! Молодец! Отличная мысль! — заулыбались все.

— И ещё у меня есть одна мысль: «Может, иногда неисполненная глупость, лучше исполненной умности?» Как вы думаете?

— Гениально! — обрадовался Медведь. — Это великая мысль, Волк! Тебе за неё надо бы памятник поставить.

— Памятника не надо, — скромно сказал Волк, — спать пошли.

И все пошли вниз по тропинке. Настроение у всех было отличное.

ОБЛАКО И ЗВЁЗДЫ

Заяц Петрович и его друг кабанёнок Федя дремали в тенёчке под большой берёзой. Федя повернулся на бок и понюхал ромашку. Ромашка поклонилась, Федя снова понюхал. Ромашка снова поклонилась.

— Вежливая, — улыбнулся Федя.

Он повернулся на спину и стал смотреть на белое кучерявое облако на синем-синем небе. Облако, польщённое вниманием, стало принимать разные формы.

— Петрович, Петрович, смотри, по небу лодка плывёт, — толкнул Федя спящего друга.

Петрович приоткрыл один глаз, глянул:

— Похоже, — согласился он и снова задремал.

— А вот самолёт!

— Самолёт, — повторил Петрович, но глаз открывать не стал.

— А вот крокодил! — закричал Федя. — Смотри, смотри, какой зубастый!

Петрович протёр глаза и глянул в небо.

Но облако уже успело превратиться в... Петровича. Белый кучерявый Петрович беззаботно плыл по синему небу.

— Сам ты крокодил, — обиделся Петрович и показал Феде язык.

— Что ты обзываешься! — удивился Федя. — Был крокодил — стал Петрович.

— Это ты, Федя, был мой друг, а стал... стал жук навозный! — вконец обиделся Петрович и неожиданно для себя ударил друга Федю по уху.

Федя драться не стал. Он вытаращил на Петровича глаза и сказал:

— Ты... ты... ты... — Что он хотел сказать, неизвестно, потому что слов у него не нашлось.

Он заплакал и пошёл. Петрович смотрел ему вслед, ещё не понимая толком, что произошло. Федя уходил не оглядываясь. Он становился всё меньше и меньше, и Петровичу становилось всё хуже и хуже от этого.

Когда Федя скрылся за кустами, ему стало совсем плохо.

— Ну и пусть. Ну и ладно, — сказал Петрович неизвестно кому и добавил: — Подумаешь!

Но от этих слов легче ему не стало. Стало ещё хуже.

— А что он дразнится? — пожаловался он зелёному лупоглазому кузнечику. Кузнечик ничего не ответил. Он смотрел и смотрел на Петровича. Петровичу от этого взгляда стало совсем не по себе. Он замахнулся на зелёного, тот прострекотал: «Стыд-позор-позор» — и ускакал.

И тут же все кузнечики на поляне застрекотали:

— Позор-позор-позор...

Петрович пошёл домой. Плотно закрыл дверь и окно, чтобы не слышать глупых кузнечиков. Подумав, он решил попить чаю. Но чай оказался несладким. Сколько он ни сыпал в него сахару. Да что там чай! Весь мир стал каким-то серым, пыльным.

— Понял, — сказал сам себе Петрович. Он сбегал за водой и хорошенько промыл окно, протёр пыль и на два раза вымыл пол. Лучше от этого не стало. Зато наступил вечер, и можно было ложиться спать.

Петрович лежал под одеялом и мучился. Иногда даже вскакивал и вскрикивал от мучений:

— Ты сам виноват! Никакой я не крокодил! Я спал и никого не трогал! Ты сам крокодил!

Вскакивал он, вскакивал, вскрикивал, вскрикивал и понял, что надо срочно бежать мириться. Не завтра утром, а прямо сейчас, немедленно!

Он быстро натянул штанишки и побежал. И чем быстрее он бежал по ночному лесу, тем легче ему становилось.

— Тук-тук-тук, — тихонько постучал он в Федино окно. Видно, Федя тоже не спал, потому что окно тут же распахнулось.

— Федя, прости меня, — сказал Петрович, — сам не понимаю, что со мной случилось. Может, это от облака затмение? Мне без тебя плохо. Прости.

— Ладно. Мне без тебя тоже плохо. Заходи. Чай будем пить.

— А знаешь, что удивительно, — сказал Петрович, допивая третью чашку. — Две ложечки — и сладкий. А дома я сыпал, сыпал сахар и всё без толку. Наверно, вкус не только на языке? Если на душе плохо, то всё-всё делается пресным, как... как...

— Пойдём гулять, — предложил Федя.

Они вышли на Поляну и обомлели. Ночь была лунно-звёздно-росистая. Каждая росинка сияла, как маленькая звезда. От этого небо и земля стали очень похожими. Они сверкали.

Петрович подошёл к кусту и тронул его. На него брызнул звёздный дождь, и Петрович тоже засверкал. Он превратился в звёздного Петровича.

Федя тоже так сделал. И они пошли гулять по звёздной росе — два звёздных друга.

ДЕНЬ БОЛЬШОГО СКЕЛЕТА

Заяц Петрович и подумать не мог, что день, начавшийся как обычно, так необычно закончится.

Встав пораньше, он первым делом полил свою любимую капусту. Потом позавтракал и побежал на речку. Там, кроме лягушек, никого не было. Они были заняты. Воспитывали своих головастиков.

Петрович посидел, посмотрел на них и пошёл к своему другу кабанёнку Феде. Вместо Феде он увидел закрытую дверь, на которой висела бумажка со знакомыми каракулями: «Пет. Я Глав. Пол. Ф.»

— Все понятно. Федя ждёт меня на Главной Поляне, — сказал сам себе Петрович и побежал вверх по тропинке. Когда деревья расступились, он увидел Федю. Федя с лопатой на плече вышагивал по Поляне и считал: — «Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, тридцать...»

— Привет, Федя! Ты что считаешь? — крикнул ему Петрович.

— Шаги. Не мешай. Тридцать. Тридцать один. Тридцать два. Здесь. — Федя воткнул лопату в землю.

— Что — здесь? — спросил Петрович.

— Здесь под землёй лежит скелет динозавра. У него каждый зуб размером с тебя, Петрович.

— А ты откуда знаешь, что он здесь? Он сам тебе это сказал?

— Петрович, скелеты не говорят. Мне Крот сказал, что на восток от этого пня надо отсчитать тридцать два шага — и будет скелет. Вот я и отсчитал. Давай выкопаем?

— Зачем?

— Посмотрим, ребятам покажем, какие удивительно зубастые звери жили на нашей поляне миллион лет назад.

— Палеонтологическая экспедиция.

— Что ты сказал, Петрович?

— Не обращай внимания. Иногда от волнения я начинаю говорить умные слова, которых сам не понимаю. Давай копать.

И они принялись копать по очереди. Часа через два глубоко закопались.

— Червей ищите? — спросил Волк, присев на край ямы.

— Скелет динозавра выкапываем. Каждый зуб — размером с меня, — сказал Петрович.

— Зачем вы его выкапываете?

— Интересно. Посмотреть хочется на это чудище.

— Ну и где он, ваш скелет?

— Нету. Копаем, копаем. И ничего нет, — вздохнул Федя.

— Может, вы не там копаете?

— Мне Крот сказал: от того пня тридцать два шага. Я считал...

— Федя с трудом вылез из ямы.

— Давай снова пересчитаем, — предложил Волк.

Петрович сел на пень, а Волк с Федей принялись считать: раз, два, три, четыре.... На тридцать втором шаге Волк оказался на середине Поляны, а Федя в яме.

— У вас шаги разные, — сказал Петрович.

— У меня шаги самые правильные, — заявил Волк. — Сейчас сбегаю за лопатой и выкопаю ваш скелет в три минуты.

Волк принёс лопату. Друзья снова принялись копать. Пришёл Медведь. Узнав в чём дело, тоже отмерил свои тридцать два шага. Также сказал, что его шаги правильные и тоже сходил за лопатой.

Работа закипела.

— Я прямо чувствую скелет! Вот тут он! У меня под ногами! — кричал из своей ямы Волк.

— Я тоже его чувствую, — отвечал из своей ямы упорный Федя.

Медведь копал молча, но очень старательно. Наверно, он тоже чувствовал.

Петрович бегал от ямы к яме и спрашивал:

— Ну как? Ну как?

— Что за строительство? — спросила Лиса, выходя на Поляну.

— Мы выкапываем скелет динозавра, — толково объяснил заяц Петрович.

— А кто вам сказал, что он здесь? — удивилась Лиса.

— Крот сказал Феде. Он сказал: на восток от того пня — тридцать два шага.

— От этого пня? На восток? Так что они там копают? Волк, а Волк! Вылазь из ямы. Вы все не там копаете!

— Ну вот ещё одна пришла с правильными шагами, — проворчал Волк, — хочешь копать, копай, а нам не мешай. Это надо же, как он глубоко закопался, этот скелет.

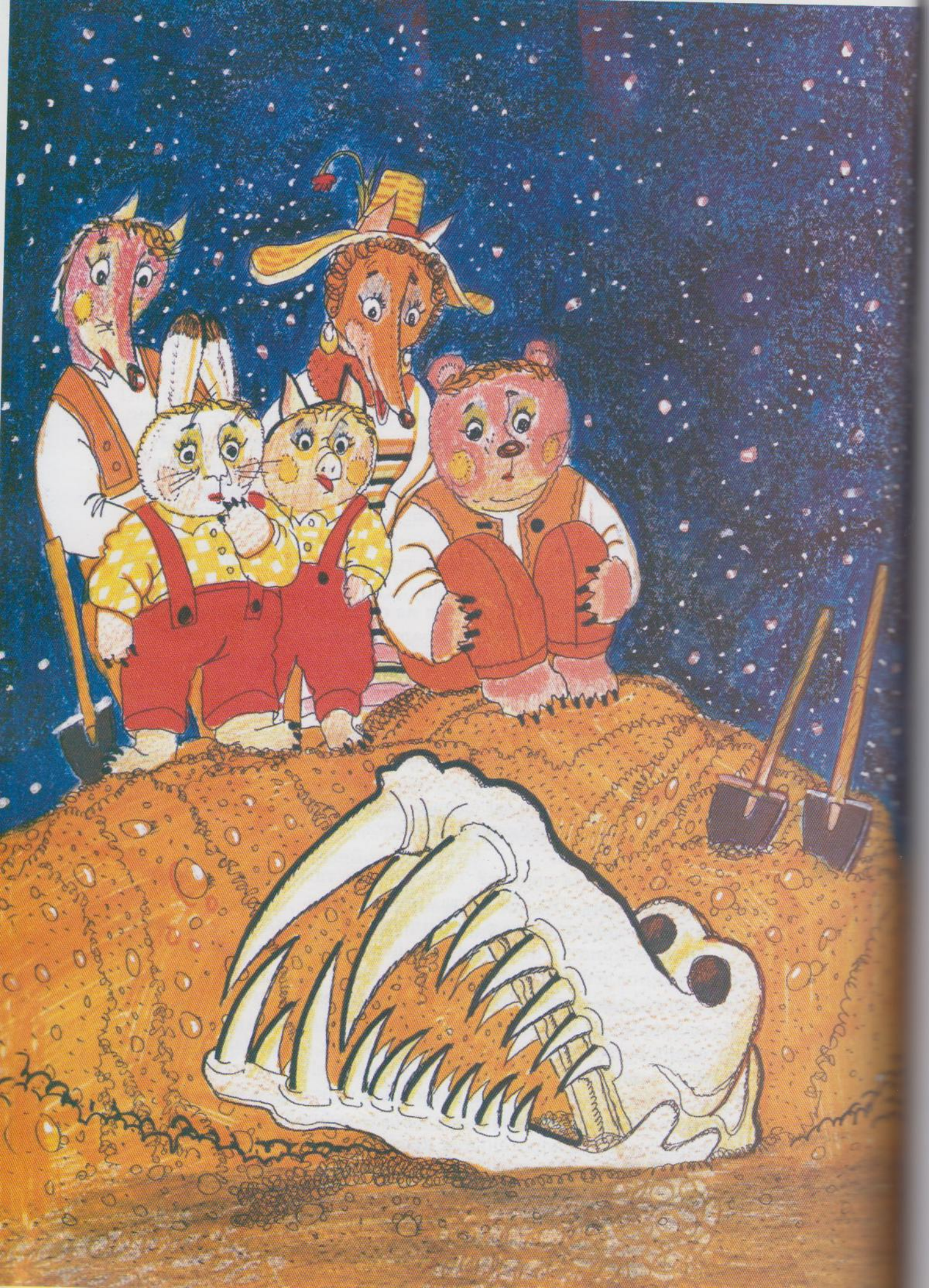
— Петрович, где солнце садится? — спросила Лиса.

— На западе конечно, — ответил Петрович.

— А теперь посмотрим, в какую сторону они свои шаги считали.

— Ребята! — закричал Петрович. — Вылазьте! Вы и правда не в ту сторону шаги отсчитывали! На восток надо считать, а вы на запад!

Когда перемазанные землёй землекопы собрались у пня, Лиса отсчитала тридцать два коротеньких кротовых шага на восток, взяла

у Волка лопату и несколько раз копнула. Лопата тут же ударилась обо что-то твёрдое. Все принялись ей помогать. Через минуту они рассматривали огромный череп с зубами, кривыми, как сабли.

— Жуть какая! — сказал Волк. — Как представишь его живым, мурашки по спине и хвосту бегают.

— Приснится ночью такой красавец — с кровати упадёшь, — сказала Лиса и отошла подальше.

— Давайте его снова закопаем, — предложил Медведь, — лежал он тут миллион лет спокойно, пусть ещё полежит.

Так и сделали. Закопали зубастого. Закопали все ямы и пошли в сумерках по вечерним домам. Чай пить не стали. Так сильно накопились, так насмотрелись на жуткие зубы, что не до чая было. Уходя с Поляны, все оглянулись. Им показалось, что «зубастый» вздохнул и шевельнулся под землёй.

— Показалось, — сказал Петрович.

— Да, да, показалось, — стали убеждать себя и друг друга «палеонтологи».

— Хорошо мы сегодня покопали, — сказал Федя, — копали, копали, выкопали и снова закопали. Правда, хорошо?

И снова всем показалось, что под землёй вздохнул одинокий зубастый динозавр.

ВСТРЕЧА

— Федя! — заяц Петрович громко постучал в окно своего друга кабанёнка Феде.

Тишина. Петрович заглянул в окно и увидел заправленную Федину кровать.

— Наверно, он ко мне побежал. Мы же договорились рано утром встретиться. Только он побежал по верхней тропинке, а я побежал к нему по нижней. Сейчас побегу по верхней ему навстречу и скажу: «Что же ты, друг Федя, бегаешь туда-сюда? Может, ты спортом

решил заняться? А ведь мы утром с тобой должны были встретиться рано-рано, а ты всё бегаешь и бегаешь...»

А в это время Феде надоело стучать в окно зайца Петровича. И в дверь тоже надоело стучать.

— Куда он подевался? Может, он ко мне пошёл, и мы разминулись? Ну конечно! Значит, так, я сюда шёл по верхней тропинке. Теперь надо бежать по нижней.

И он побежал. Оказавшись у своего домика и никого не встретив, Федя стал рассуждать:

— Значит, мы с Петровичем опять разминулись. Я бежал первый раз по верхней тропинке, второй раз — по нижней. Сейчас надо бежать опять по нижней. Петрович умный, он по одной тропинке два раза бегать не будет. Вот мы с ним и встретимся. — И Федя побежал.

— Он умный. А я умнее. Он умный. А я умнее, — повторял он всю дорогу.

Федя правильно рассудил, что его друг Петрович умный. Он только не знал, что Петрович очень умный.

— Значит, так! — сказал себе Петрович. — Федя как полоумный бегают по разным тропинкам. А я буду бегать по одной, и когда-нибудь он догадается сменить тропинку. Тут мы с ним и встретимся.

Рассуждал он правильно. Но Федя тоже рассуждал правильно, и они бегали и бегали каждый по своей тропинке, пока совсем не устали.

— Ну всё, хватит, — сказал заяц Петрович, — хватит бегать. Сяду тут и буду ждать Федю. Рано или поздно он проголодается и придёт к себе домой обедать. Тут я ему и скажу: где же ты, друг Федя, носишься? Мы ведь договаривались встретиться с утра пораньше. А уже обед. Кстати, Федя, скажу я, а что у тебя на обед?

Петрович всё точно рассчитал. Но точно так же рассчитал кабанёнок Федя. Он сидел на лавочке у дома Петровича и поджидал его. Он тоже рассчитывал на обед.

— Как есть хочется! Небось Петрович тоже голодный. Сидит у моего домика. Ждёт меня. Но стоит мне пойти домой, он тоже пойдёт к себе домой, и мы обязательно опять разойдёмся. Надо сидеть и ждать. А когда он придёт, я скажу: Петрович, у тебя есть совесть? Или хотя бы окрошка или морковные котлеты? Сколько можно тебя ждать?

Они были очень верные и терпеливые друзья. Но когда на небе появилась первая звезда и обеда уже ждать не приходилось, каждый направился к себе домой.

Петрович по нижней тропинке, Федя по верхней.

— Утром никуда не пойду. Буду сидеть и ждать Федю дома, — решил Петрович перед сном и спокойно заснул.

Федя решил сделать то же самое и тоже спокойно заснул.

Они были очень близкими друзьями, и мысли от этого у них были похожие.

САМОЛЁТ

Все сказочные звери смотрели на огонь. Они сидели у костра и ждали, когда закипит вода в котелке.

— Слушай, Медведь, — сказал Волк, — что у тебя за секрет? Куда каждый день пропадаешь? Всю неделю дома тебя застать не могу.

— Я строил самолёт. Всю неделю строил, строил, сегодня утром закончил.

— А можно посмотреть? — спросил заяц Петрович.

— Сейчас чаю попьём и сходим посмотрим. Он на Дальней Поляне в кустах стоит. — Медведь снял котелок и бросил в него горсть сушёной малины. Волк бросил зверобой, Лиса — липовый цвет. Федя — два жёлудя.

Петрович помешал чай и сказал:

— Готово. Пейте скорей, а то солнце совсем сядет.

Когда пришли на Дальнюю Поляну, Медведь раздвинул кусты:

— Вот он, ребята.

— Да... — сказал кабанёнок Федя.

— Да... — согласился с ним Волк, — вид у твоего самолёта неказистый, Медведь.

— Он больше всего на два забора похож, — сказала Лиса.

— Это крылья, — объяснил Медведь, — это сиденья, это ручка, чтобы пропеллер вертеть, это хвост. Ручная работа, всё сделано без единого гвоздя!

— Оно и видно. Не полетит, Медведь, твой самолёт, — сказала Лиса.

— А вдруг полетит? — засомневался Петрович.

— Не полетит! Заборы ведь не летают, — заспорила Лиса.

— А может, этот возьмёт и полетит, — сказал Волк.

— Зря вы спорите, — сказал Медведь, — я на этом самолёте уже летал. Взял курс на север. Норд называется. Крутил винт, крутил и прилетел на Северный полюс. Там мои родственники белые медведи живут. Они меня за стол усадили. Угостили рыбой. Я им банку мёда подарил. Они про мёд только слышали, но никогда не пробовали. Такая у них суровая северная жизнь. Хотите, завтра к ним снова слетаем?

— Нет, я хочу в Африку! Там страусы и тепло! — заявил Волк.

— Это моя мечта в Африке побывать.

— А может, лучше в Австралию! — предложил Петрович. — Там кенгуру. Они вот так, вот так прыгают. Прикольные такие.

— Я бы с пингвинами познакомилась, — улыбнулась Лиса, — они потешные и элегантные.

— Завтра куда-нибудь прокатимся. А теперь спать. Перед большим путешествием главное — хорошо выспаться, — прекратил споры Медведь.

Когда вся компания утром подошла к самолёту, оказалось, что место пилота уже занято. На нём сидел Волк. Он крутил ручку и рычал: «Р-р-р-р-р-р-р-р! Р-р-р-р-р-р-р!» Совсем как настоящий самолёт.

— Куда же ты, Волчара, от нас улетел? — улыбнулся Медведь.

— Да я так. Играю. А что, правда, если эту ручку покрутить, то полетит?

— Полетит. Если винт на место поставить. — Медведь достал из кустов пропеллер. Приладил его и скомандовал: — По местам! А ну, Серый, подвинься.

Только все расселись, Медведь принялся вертеть ручкой пропеллер. Самолёт покатился, покатился по Поляне, а потом оказалось, что Поляна и деревья где-то внизу.

— Летим! Ура! — закричали все.

— Смотрите, смотрите, вон наша речка, а вон мой домик с ушами! — кричал в восторге Петрович.

— А вон поезд идёт. Совсем, как гусеница, изгибается, — показала лапой Лиса.

— Смотрите, внизу Хабаровск. Вон цирк. Мы в нём с Петровичем выступали, — взвизгнул счастливый Федя.

— Перелетаем Амур, — сказал Медведь, — сидите спокойно, а то рулить тяжело. — Федя прекратил прыгать.

За Амуром начался Китай.

— Какая распаханная страна, — с уважением сказал Петрович, — сплошной огород.

Самолёт влетел в белое прохладное облако.

— Ап-чхи! Сыровато тут! — проворчал Волк. — Всё белым-бело, даже лап своих не вижу. И тебя, Петрович, и тебя, Медведь, не вижу.

Когда вылетели из облака, внизу были пальмы и слоны.

— Петрович, посмотри по карте, она в шкафчике под сиденьем лежит, куда мы залетели. Будешь у нас штурманом, — велел Медведь.

— Так... — Петрович стал водить лапой по карте. — Вот наш Сказочный лес, вот Хабаровск, вот Китай, а вот... Индия! Мы в Индию прилетели! Давайте сядем, погуляем, перекусим, на слонах покатаемся.

Все согласились, и самолёт пошёл на посадку. Только сели — набежали обезьяны. Путешественники вылезли из самолёта, а обезьяны тут же набились в него. Стали крутить руль и пропеллер.

— Стойте! Стойте! Осторожно! Нельзя с техникой, тем более с деревянной, так обращаться!

Но обезьяны и не думали слушаться Медведя.

— Придется их покатать, — сказал он, — не бить же местных жителей.

Пока Медведь усаживался на место пилота, прибежала ещё стая обезьян. И тоже полезли в самолёт.

— Куда! Куда! Поломаете! — кричали обеспокоенные путешественники.

Обезьяны кое-как разместились. Некоторые даже уселись на крыльях.

Медведь бешено закрутил ручку, и самолёт тяжело взлетел. Едва не касаясь пальм, он дал два круга и приземлился.

Обезьяны были в восторге. Они стали целовать Медведя. Медведь как мог уворачивался, но они были такие ловкие! Потом часть обезьян убежала и привела ещё много сородичей. Все они стали лезть в самолёт. А некоторые пытались отломить от него что-нибудь на память.

— Надо бежать! — крикнул Волк. Взял палку и отогнал от самолёта хвостатое назойливое племя. — Скорее занимайте места! Я долго не продержусь!

В самолёт он запрыгнул последним, на ходу.

Индия сверху казалась такой спокойной и степенной. Не верилось, что там так много обезьян.

— Издалека всё как-то привлекательней, — произнесла Лиса задумчиво.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — высказал общее мнение Петрович.

— Ладно, летим домой, — согласился Медведь и развернул самолёт. — Обедать пора, — добавил он.

— А всё-таки хорошо мы слетали! — сказал Федя. Он обошёл самолёт, разминая ножки. — Всё-таки ты гений, Миша! Построить из штакетника такую чудную машину! Это не каждый сможет!

— Действительно гениально, — подхватил Волк.

— Это ещё что, — сказал польщённый Медведь, — если к моему самолёту приделать сбоку ещё один винт и вот здесь и здесь добавить две доски, то получится Машина Времени! Тогда можно будет и на динозавров посмотреть, и на саблезубых тигров!

— На тигров саблезубых? — переспросил Федя. — А может, не надо этих досок приделывать? А, Медведь? С нас и обезьян вполне хватит.

— Кто хочет ко мне в гости? Угощаю окрошкой, — предложил заяц Петрович.

И все вприпрыжку побежали с горы вниз, к Петровичу в гости.

РАЗГОВОР С АВТОРОМ

— Почему у тебя брови домиком? — спросил заяц Петрович своего друга кабанёнка Федю. — Почему ты грустный?

Федя пожал плечами, вздохнул и стал смотреть в окно на огород зайца Петровича.

— Может, ты съел что-нибудь не то?

— Ничего я не ел, — снова вздохнул Федя.

— У тебя пропал аппетит? Значит, ты заболел! Где болит? — заволновался Петрович.

— Вот тут в голове мысль, — Федя постучал себя по лбу, — откуда она взялась? Вертится и вертится, покоя не даёт.

— Поделись с другом, — попросил Петрович, — что за мысль такая вредная?

— Мы же сказочные звери?

— Сказочные, — согласился Петрович.

— Значит, нас на самом деле нет. Одни слова и буквы в книжке, а нас нет. Мы Папина фантазия, и всё. — Федя шмыгнул своим поросычьим носом.

— Подожди, не плачь! Как нас нет? Я же сижу против тебя. Ты плачешь. И нас при этом нет? Так не бывает.

— Бывает. — Федя всхлипнул и уставился в окно. Он сидел такой маленький и печальный и смотрел в окно на огород зайца Петровича. Петрович совсем разволновался:

— Так нельзя, Федя. У нас есть друзья. Девочка Маша тебя любит. А Маша настоящая. Значит, и мы настоящие. Ну хочешь, мы спросим нашего автора Папу: «Папа, мы существуем? Мы есть?»

— Я сам об этом часто думаю, — ответил Папин голос. — Конечно, это я вас придумал для своих дочек Насти и Маши, но потом вы стали оживать. Стали очень смешными и самостоятельными. Скажите, могу я вас заставить делать то, что вы не хотите? Например, написать: «Федя с Петровичем поссорились, потом подрались, но мириться не стали. Они жили потом долго и счастливо». Могу?

— Но-но! Только попробуй! — возмутились друзья.

— Вот видите, — сказал голос Автора, — значит, вы меня не слушаетесь. Вы меня не слушаетесь, а я вас всё равно люблю, потому что вы мои. Я вас придумал, и без вас мне скучно.

— Значит, мы свободны? А раз свободны, — стал рассуждать умный Петрович, — значит, мы существуем.

— Правильно, — согласился Папа-Автор.

— Ты слышал, Федя! Мы свободны, и нас любят! Нас любят, и мы свободны! — Петрович перевернулся через голову.

Федя подумал-подумал и сделал то же самое.

— Хотите, я открою вам один секрет? Очень взрослый, не сказочный секрет? — спросил Папа.

— Хотим, — сказали друзья.

— Со мной когда-то давно было то же самое. Я был грустный, как Федя сегодня. Но потом вдруг узнал, что мой Автор любит меня, и я свободен. С тех пор у меня хорошее настроение. Поэтому пишу смешные сказки.

— А разве у тебя тоже есть автор? — спросил Федя. — Откуда ты знаешь, что он тебя любит?

— Пожалуй, это не детский разговор. Во всяком случае, со сказочными поросятами и зайцами об этом лучше не рассуждать. Не обижайтесь. Бегите лучше на речку. Посмотрите, какой чудесный день я для вас сегодня придумал.

— Ура! — закричал поросёнок Федя. Он давно забыл о своей утренней тоске.

— Ура! — закричал его друг заяц Петрович.

И они побежали по белым-белым ромашкам к синей реке. Два маленьких друга. Оба счастливые и свободные.

Хабаровск
2008